

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК ИДИОСТИЛЕВАЯ ПРОЕКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ	10
1. 1. Понятие идиостиля как авторской игры.....	10
1. 2. Цикл «Гражданин Поэт»: проект «не для всех».....	12
1. 3. Прецедентность как экстралингвистическое явление.....	14
1. 4. Вопрос прецедентного феномена в научной литературе.....	16
1. 4. 1. <i>Общая формула прецедентных феноменов</i>	16
1. 4. 2. <i>Классификации прецедентных феноменов</i>	18
1. 4. 3. <i>Функции прецедентных феноменов</i>	21
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ.....	23
ГЛАВА 2. ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЦИКЛЕ «ГРАЖДАНИН ПОЭТ»: ОБЩЕЕ И УНИКАЛЬНОЕ.....	25
2. 1. Типология прецедентных феноменов в «Гражданине Поэте».....	25
2. 2. Переходные явления между прецедентными феноменами в «Гражданине Поэте».....	30
2. 3. Эвфемистическая функция прецедентных феноменов: идиостилевая стратегия Д. Л. Быкова.....	36
2. 4. Категория комического как идиостилевая основа цикла «Гражданин Поэт».....	41
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ.....	46
ГЛАВА 3. ВОСПРИЯТИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ И ОЦЕНКА ИДИОСТИЛЯ ЦИКЛА «ГРАЖДАНИН ПОЭТ».....	48
3. 1. Описание ассоциативного и дифференциально-семантического экспериментов.....	48
3. 2. Ассоциативный потенциал прецедентных феноменов цикла «Гражданин Поэт».....	50
3. 3. Идиостиль цикла Д. Л. Быкова «Гражданин Поэт»: оценка «читателя».....	54
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ.....	55
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	57
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК.....	60
<i>Приложение. Образец анкеты</i>	66

ВВЕДЕНИЕ

Начало XXI века ознаменовано высокой скоростью научно-технического прогресса, стремительным общественным развитием и существенными трансформациями во всех сферах жизни: экономической, политической, социальной и духовной. Изменения затронули, в частности, и современное искусство, для которого стало характерным дискретное, «скетчевое» воссоздание реальности. Художник (в широком смысле этого слова) стал восприниматься не создателем произведения, а организатором коммуникаций, конечной целью которых является преодоление проблем общения с пространством. В литературе такие метаморфозы привели к появлению новых форм, не подразделяющихся на направления, виды и жанры. Основу модифицированных форм составляют, как правило, явления, «которые воспринимаются или интерпретируются как иные по отношению ко всему тому, что уже заложено в культурную память» [Гройс, 1993, с. 143].

Интересным в этом отношении является индивидуальный стиль (далее – идиостиль) текстов стихотворного цикла «Гражданин Поэт» Д. Л. Быкова – современного писателя, публициста и критика, отличающегося полемичностью и даже провокативностью своих произведений. Состав текстов «Гражданина Поэта» насыщен прецедентными феноменами (как в плане содержания, так и в плане выражения). Последние являются основными компонентами общего для всех членов лингвокультурного сообщества ядра знаний и представлений о материальном и духовном мире, своеобразным концентратом базовых черт национального характера. Однако в стихотворном цикле Д. Л. Быкова прецедентные феномены не только выполняют традиционную функцию средства понятийной оценки происходящего, но и становятся инструментом для поиска «своего» читателя и одновременно игры в разгадывание «шифра».

Безусловно, как и любые структурные элементы идиостиля, прецедентные феномены в «Гражданине Поэте» представляют собой целостную систему, являющую собой часть когнитивной базы автора и обладающую рядом характерных черт [Милль, 1914; Солопова, 2004]. Кроме того, каждый из типов прецедентных феноменов обладает своей собственной «иерархией», то есть не в полном объёме зависит от системы в целом. Значимую роль в процессе «угадывания» прецедентных феноменов играют «отсылки», основой для которых служат фильмы (художественные и мультипликационные), комиксы, рекламные плакаты и видеоролики, прежде остававшиеся вне сферы внимания лингвистики текста [Смулаковская, 2004; Семенец, 2001; Райс, 2004].

Материалом нашего **исследования** стали тексты стихотворного цикла «Гражданин Поэт» Д. Л. Быкова. На их основе была составлена картотека, состоящая из 61 стихотворения, содержащего прецедентные феномены.

Актуальность исследования обусловлена:

1) активным употреблением прецедентных феноменов представителями современного лингвокультурного сообщества в качестве опознавательного знака, разделяющего людей на «своих» и «чужих»;

2) немногочисленностью работ, анализирующих прецедентные феномены как составную часть идиостилевой структуры и механизмы их воздействия на потенциального читателя;

3) особой значимостью в сфере современных междисциплинарных исследований на стыке лингвистики и литературоведения, культурологии, психологии, политологии, маркетинга и PR. В процессе подобного исследования создаётся единое поле для изучения лексики, семантики, поэтики, стилистики и индивидуального стиля. Такая многоаспектность и комплексность анализа текстов цикла «Гражданин Поэт» способствует наиболее полному раскрытию оригинальности всего поэтического текста как медиапроекта и прецедентных феноменов как элементов его образности.

Объектом нашего исследования являются прецедентные феномены как доминантные идиостилевые компоненты цикла «Гражданин Поэт» Д. Л. Быкова, **предметом** – лингвокультурологические особенности прецедентных феноменов, их содержание, понятийное наполнение, типология, функции, структура, особенности восприятия.

Таким образом, **единицей анализа** в работе служит прецедентный феномен как идиостилевое явление в «Гражданине Поэте». Общее количество прецедентных феноменов в исследуемом материале – 237.

Цель исследования – выявление и описание доминантных особенностей прецедентных феноменов как идиостилевых элементов стихотворного цикла «Гражданин Поэт» Д. Л. Быкова.

Поставленная цель определила следующие **частные задачи**:

- 1) изучить историографию вопросов индивидуального авторского стиля и его соотношения с теорией языковой личности, теорию прецедентных феноменов как важных компонентов идиостиля;
- 2) выделить из текстов стихотворного цикла «Гражданин Поэт» Д. Л. Быкова языковой материал, в котором обнаруживаются прецедентные феномены, систематизировать последние по типам;
- 3) составить классификацию прецедентных феноменов в «Гражданине Поэте» по масштабности;
- 4) выявить нестандартные проявления функций прецедентных феноменов в цикле стихотворений «Гражданин Поэт» Д. Л. Быкова и установить их причину;
- 5) провести ассоциативный и дифференциально-семантический эксперименты среди группы респондентов (в количестве 120 человек) с целью выявить проблемы семантической интерпретации прецедентных феноменов и ассоциативный потенциал текстов стихотворного цикла «Гражданин Поэт»;
- 6) провести элементарную статистическую обработку данных исследуемых аспектов прецедентных феноменов;

7) установить актуализированность экстралингвистической мотивированности прецедентных феноменов как идиостилевых элементов.

Достижение цели и выполнение задач стали возможны путём применения комплекса следующих общих и частных **лингвистических методов и приёмов**: описательный, сравнительно-сопоставительный, лингвокультурологический методы, приём сплошной выборки, метод контекстного анализа, метод интерпретации, метод структурного анализа, метод классификации, экспериментальный метод, приём количественного подсчёта (элементарной статистической обработки данных).

В работе мы исходили из следующих **теоретических положений**.

1. Невербальные коды пародийного художественно-публицистического произведения тесно взаимодействуют с естественным языком Д. Л. Быкова, что, безусловно, должно найти проявление в поэтических текстах «Гражданина Поэта».

2. Очевидно, что лингвистическая и экстралингвистическая мотивированность прецедентных феноменов качественно отличаются, поэтому для полноты анализа мы исследуем последние как лингвокультурологические явления.

3. Важной особенностью идиостиля текстов «Гражданина Поэта» является его центонность, то есть объединение различных прецедентных феноменов в целостный метатекст, что существенно затрудняет его восприятие и интерпретацию.

4. Даже в рамках одной культурной среды одни и те же прецедентные феномены имеют различное семантическое наполнение, следовательно, их исследование всегда является рекурсивным, требующим постоянного возвращения в исходные данные (например, цель употребления прецедентных феноменов и дискурс их использования).

Основной **методологический принцип** – признание тезиса об экстралингвистической мотивированности прецедентных феноменов.

Гипотеза исследования. Исходя из того, что прецедентные феномены связаны с экстралингвистической мотивированностью и индивидуализированным языковым сознанием, можно предположить, что они обладают и индивидуальной иерархической структурой, а, следовательно, непостоянным понятийным наполнением и набором функций.

Достоверность полученных результатов обусловлена репрезентативностью выборки материала, а также разнообразием методов исследования и анализа материала.

Теоретической базой исследования явились классические и современные работы русских учёных и их зарубежных коллег по изучению идиостиля (В. В. Виноградов [1930; 1963], В. П. Григорьев [1983; 2000], С. Т. Золян [1986; 1989]); прецедентности и прецедентных феноменов (Д. Б. Гудков [1999], Е. А. Земская [1996], Ю. Н. Караулов [2009; 2010], В. В. Красных [2003], Е. А. Нахимова [2007], Г. Г. Слышкин [2000], A. Graham [2000], K. Murray [2005]); медиалингвистики (В. Г. Костомаров [1999], И. Р. Гальперин [1981], А. А. Евтюгина [2000], А. П. Чудинов [2012]), Н. С. Юханов [2008], G. Ritchie [2004]); текстологии и семиотики текста (Н. С. Валгина [2003], А. К. Жолковский [1992], И. А. Зимняя [2001], О. А. Корнилов [2003], Ю. М. Лотман [2000], Н. А. Фатеева [2007], М. Б. Ямпольский [1983], P. R. Dasenssen [1977]).

Научная новизна исследования определяется несколькими факторами:

- 1) выбором исследуемого материала, когда в научный оборот вводятся тексты сатирической пародии;
- 2) современным лингвокультурологическим подходом к описанию прецедентных феноменов как компонентов идиостиля «Гражданина Поэта», когда от изучения отдельных языковых элементов осуществляется переход к исследованию языка текста в целом;
- 3) научной лингвокультурологической интерпретацией текстов цикла «Гражданин Поэт» как метакультурного проекта.

Теоретическая значимость нашего исследования связана с тем, что в нём определяется продуктивность использования прецедентных феноменов как идиостилевых элементов; демонстрируются возможности прецедентных феноменов в текстах политической сатиры; уточняются механизмы образования и синкретизма прецедентных феноменов; рассматриваются малоизученные проблемы соотношения языковой личности и её идиостилевой проекции в употреблении прецедентных феноменов.

Практическая значимость обусловлена возможностью использования материалов и принципов нашей работы: а) в маркетинговой, политической, медиа-, рекламной и PR-сферах для создания и совершенствования коммуникативных инструментов влияния; б) в образовательной сфере при чтении курсов и спецкурсов по стилистике, лингвистическому анализу текста, цикла гуманитарных дисциплин, а также при разработке методик и создании механизмов для подготовки к ОГЭ и ЕГЭ в 9 и 11 классах соответственно.

Структура работы. Работа состоит из Введения, трёх глав основной части (*Прецедентность как идиостилевая проекция языковой личности: теоретические основы исследуемой проблематики; Прецедентные феномены в цикле «Гражданин Поэт»: общее и уникальное; Восприятие прецедентных феноменов в цикле «Гражданин Поэт» и оценка идиостиля Д. Л. Быкова*), Заключения, Библиографического списка и одного Приложения.

Апробация работы. Предварительные результаты исследования были изложены в виде докладов и сообщений на Всероссийских научных конференциях филологического факультета ПГГПУ «Молодая филология» (Пермь, 2013–2016 гг.), на Всероссийских с международным участием конференциях «Человек. Общество. Экономика. Проблемы и перспективы взаимодействия» (Пермь, ПИЭФ, 2014–2015 гг.), на IV Всероссийской научной конференции «Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи» (Пермь, ПГНИУ, 2016 г.); опубликованы в сборниках «Филология в зоне

актуальности: вызовы времени» (Пермь, 2014 г.), «Молодая филология-2015. Язык и литература: прошлое и настоящее» (Пермь, 2015 г.), «Человек. Общество. Экономика. Проблемы и перспективы взаимодействия» (Пермь, 2014–2015 гг.), в международных научных журналах «European Science and Technology» (Munich, 2013) и «Mediterranean Center of Social and Educational Research» (Rome, 2015). Всего опубликовано 6 научных работ. Результаты исследования были одобрены на заседании кафедры русского языка Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета.

ГЛАВА 1

ПРЕЦЕДЕНТНОСТЬ КАК ИДИОСТИЛЕВАЯ ПРОЕКЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В первой главе мы освещаем теоретические вопросы, связанные с интерпретацией явления прецедентности в современной науке, его соотношением с языковой личностью и языковым сознанием, а также ролью в формировании авторского идиостиля; обращаемся к истории возникновения цикла «Гражданин Поэт» и сведениям о его создателе – Д. Л. Быкове. Здесь же осмысляются различные научные подходы к классификации прецедентных феноменов, их функций и источников прецедентности.

1. 1. Понятие идиостиля как авторской игры

В современной антропоцентрической парадигме огромное внимание уделяется проблемам персональности, специфичности и самобытности абсолютно любого проявления языковой личности (мнения, представления, идеи, поступка), формирующего её индивидуальный стиль. Индивидуальный стиль человека создаёт его репутацию, становится своеобразной «визитной карточкой» и часто трансформируется в самостоятельное, независимое от личности явление. На данном этапе развития науки не существует единого определения идиостиля¹. Поскольку наша работа имеет междисциплинарный

¹ Так, идиостиль может рассматриваться в различных плоскостях: 1) *в отношении к автору* – как глубинная категориально-семантическая связь всех конституирующих элементов – от системы представлений до системы лингвистических средств выражения [Григорьев, 1983, с.124-130]; 2) *в отношении к конкретному тексту какого-либо автора* – как выявленная функциональная доминанта текста [Золян, 1986, с. 62-65]. Идиостиль автора и идиостиль текста, как нам видится, находятся в метонимических отношениях. Конкретный текст выступает как универсум, взятый в его особенном срезе, и – одновременно – как часть целостной миропредставленности и целостного мировосприятия, миропонимания, мировоззрения.

характер и сочетает в себе когнитивный, психолингвистический, лингвопоэтический и коммуникативно-деятельностный подходы, мы остановимся на определении С. Т. Золяна: «Под термином идиостиль подразумевается система содержательных и формальных лингвистических характеристик, присущих произведению определённого автора, с чьей помощью воплощённый в этом произведении авторский способ языкового выражения становится очевидным» [Золян, 1983, с. 8-9]. Иными словами, идиостиль является отличительной характеристикой произведения конкретного автора, содержащей ситуативные и композиционные приёмы и способы его образного восприятия. Отметим, что любой идиостиль представляет собой некую игру автора с потенциальным читателем. Последний может либо определить ведущую доминанту идиостиля и разгадать условный «код» текста, стать для автора «своим», либо просто принять текст как данность [Выготский, 1965].

Идиостиль текста (будь то художественный или публицистический) определяется сочетанием лингвистических (фонетических, лексических и грамматических особенностей) и экстралингвистических критериев. Определение же индивидуальных особенностей стиля невозможно без сопоставления с идиостилевыми особенностями текстов авторов-предшественников и авторов-современников, чьи произведения так или иначе сформировали языковое сознание писателя [Григорьев, 2000].

Идиостиль неразрывно связан с авторским отбором и анализом средств, реализующих комплекс образов и смыслов, которые фактически отражают мировоззрение автора. Явления, формирующие мировоззрение автора, наравне с лингвистическими средствами выражения, присущими конкретному тексту, вовлекаются в орбиту идиостилевого анализа.

1. 2. Цикл «Гражданин Поэт»: проект «не для всех»

Создание любого текста неразрывно связано с личными мотивами его автора (в большей или меньшей степени). Человек, воспроизводящий «речевые поступки» [Богин, 1980] в художественном тексте (быть может, и в стихотворной публицистике), является транслятором собственных идей и мировоззрения вне зависимости от того, являлось ли это изначальной целью творчества или стало его следствием. По этой причине для исследования индивидуального стиля, его компонентов и их характеристик необходим базовый анализ языковой личности, создавшей художественное произведение или творческий проект.

Д. Л. Быков – это российский писатель, поэт, литературовед, журналист, колумнист², кинокритик, а также общественный деятель. Он публикует критические, публицистические, литературоведческие, полемические статьи во множестве журналов и газет, но не является их постоянным автором, а пишет небольшие заметки на злободневные темы [Быков, 2012, <http://www.f5.ru.html>]. В 2011 году по результатам интернет-голосования на странице «Facebook» Д. Л. Быков вошёл в «Топ-10» самых влиятельных и активных медиаперсон России. Особую известность Д. Л. Быков приобрёл как автор цикла стихотворений под названием «Гражданин Поэт».

Стихотворный цикл Д. Л. Быкова – это сатирическое подражание известным русским поэтам и писателям (А. А. Блоку, С. А. Есенину, И. А. Крылову, М. Ю. Лермонтову, Н. А. Некрасову, А. С. Пушкину, К. М. Симонову и многим другим). Стихотворения из цикла «Гражданин Поэт» были посвящены околополитической обстановке в нашей стране накануне выборов 2011 года и представляли собой культурную аллюзию на

² Колумнист (англ. column – колонка) – автор, единолично ведущий колонку (раздел, рубрику) в каком-либо издании, либо являющийся одним из нескольких постоянных авторов этой колонки.

всем известные произведения, своеобразный искусственный отклик на происходящие в России события. В качестве проекта «Гражданин Поэт» был реализован Д. Л. Быковым совместно с продюсером А. В. Васильевым и актёром М. О. Ефремовым в эфире радио «Эхо Москва» и телеканала «Дождь», ныне прекратившего свое вещание для широкой аудитории.

Стихотворения «Гражданина Поэта» представляют собой пародийные произведения, высмеивающие злободневные проблемы России в авторском контексте. В итоговом печатном варианте «Гражданин Поэт» был выпущен в 2012 году в двух томах: «Гражданин Поэт. 31 номер художественной самодеятельности» и «Гражданин Поэт: наши – всё!». Однако ещё до выхода издания в свет «Гражданин Поэт» стал отдельной социально-политической протестной акцией Д. Л. Быкова против существующей в Российской Федерации законодательной системы и политического строя. Среди функций такой акции можно выделить: обличение социально-политических пороков общества; оценку текущей ситуации в России; пропаганду альтернативного мировоззрения; быть может, влияние на потенциальных избирателей, а также в качестве дополнительной функции – аккумулятивность [Маслова, 2001; Нахимова, 2007; Юханов, 2008], то есть выборку культурно значимой информации для её дальнейшего представления читателям. Такое функциональное наполнение и неоднозначный формат стихотворного цикла существенно повлияли на взаимодействие «Гражданина Поэта» с потенциальным читателем. Поскольку в первоначальном виде творчество Д. Л. Быкова осмысливалось как анти-PR высших должностных лиц, то и интерес к проекту означал приверженность к взглядам, сходным с авторскими; весь стихотворный цикл с видео- и аудиосопровождением стал проектом «не для всех». Следовательно, аудитория, следящая за развитием стихотворного цикла, была максимально сужена. Однако с течением времени «Гражданин Поэт» стал восприниматься как литературный перформанс [Ерофеев, 1999, с. 44], закреплённый в печатном виде и

трансформировавшийся в полноценный художественный акт, не коррелирующий с явлениями современности.

В стилевом отношении «Гражданин Поэт» относится к художественно-публицистическому произведению, или к стихотворной публицистике. Стихотворный цикл, с одной стороны, посвящен актуальным проблемам и явлениям текущей жизни общества, играет важную политическую и идеологическую роль как средство выражения общественного мнения, а с другой – является продуктом замысла автора [Кузьмина, 1999], Д. Л. Быкова, и отвечает определённым категориям эстетической ценности. Стихотворения «Гражданина Поэта» были написаны в соответствии с общими принципами создания постмодернистского текста [Christie, 2006], поэтому они в значительной степени состоят из аллюзий, явной и скрытой полемики, стилизации и иных содержательных и жанрово-стилистических особенностей, позволяющих тексту входить в пространство культуры и существовать в нём за счет интегрированных прецедентных феноменов – своеобразных текстов-в-тексте (в терминологии Ю. М. Лотмана [Лотман, 2000]). Такими текстами-в-текстах в цикле Д. Л. Быкова и выступают прецедентные феномены, употребление которых становится признаком идиостиля и ведущим композиционным принципом цикла, что требует специального подхода, необходимого для интерпретации сложных, «многослойных» текстов [Сорокин, 1987; Gregory, 1978].

1. 3. Прецедентность как экстралингвистическое явление

Связь между идиостилем и языковым сознанием неоспорима и, на наш взгляд, аксиоматична, поскольку идиостиль, наряду с речетекстовыми характеристиками, включает и мировоззренческий компонент. Анализ идиостиля дает исследователю возможность описать автора, Д. Л. Быкова, как языковую личность. Придерживаясь мнения учёного-лингвиста И. В. Приваловой, полагаем, что языковое сознание есть не что иное, как

культурно обусловленный инвариантный образ мира, соотнесенный с особенностями национальной культуры и национальной психологии, а также индивидуальных особенностей человека (например, его опыта и предпочтений) [Привалова, 2003, с. 97-102].

Структура языковой личности складывается из трех уровней – вербально-грамматического, когнитивного и прагматического. Реконструкция той или иной языковой личности посредством идиостилевого анализа предусматривает воссоздание её ментального лексикона с «распределённой» по нему грамматикой (I уровень), построение свойственного ей образа мира (II уровень) и выявление её ментальности, оценочно-целевой позиции в мире (III уровень) [Караулов, 2010].

Каждый автор способен воспринимать любые предметы и явления в их пространственных измерениях, а также во времени и значении, адекватными соответствующей ситуации. Соответственно, значение определяет конкретный стереотип, своеобразный инвариант, усваивающийся в процессе социализации [Аврасин, 1986; Привалова, 2003, с. 97-102]. Своеобразный «стереотип» являет собой понятие прецедентности, ставшее объектом наблюдения множества учёных-лингвистов в последнее время. Под прецедентностью понимается явление жизни, которое может стать или не стать фактом культуры [Почепцов, 2011]; в лингвистике же это процесс отражения в тексте культурной национальной традиции в оценке и восприятии исторических событий, мифологии, памятников искусства, литературы, произведений устного народного творчества. Прецедентность экстралингвистична (она обусловлена междисциплинарными связями самых разнообразных сфер и областей: непосредственно языка, литературы и – шире – искусства); подвержена влиянию СМИ, рекламы и PR, политики, религии, науки; объясняется психологическими особенностями личности и др.

Иными словами, следует различать языковую (соответствует вербально-грамматическому уровню языковой личности) и когнитивную

(соответствует когнитивному уровню языковой личности) картины мира, но при этом понимать, что данные картины мира, равно как и уровни языковой личности, разделяются лишь методологически, но реально присутствуют в сознании индивида.

Доступ к когнитивной картине мира (сошлёмся здесь на исследование Ю. Н. Караулова [2010]) обеспечивают прецедентные феномены.

1. 4. Вопрос прецедентного феномена в научной литературе

Рассмотрим более подробно понятие прецедентного феномена.

1. 4. 1. Общая формула прецедентных феноменов

По мнению Ю. Н. Караулова, прецедентными феноменами следует считать тексты, ситуации, высказывания или имена, «значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая её предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов, 2010, с.126].

Ниже перечислим типы прецедентных феноменов (всего 4 типа).

1. Прецедентный текст. Это самостоятельный и законченный результат речемыслительного процесса; сложный знак, сумма составляющих значений компонентов которого не равна его смыслу. Прецедентный текст обычно знаком каждому члену национально-лингвокультурного сообщества. Различные анекдоты, текстовые версии рекламы («Миг – и голова не болит», «Золотая чаша, золотая», песен («О боже, какой мужчина», «Светит незнакомая звезда...»)), художественные произведения («Анна Каренина», «Горе от ума», «Один день Ивана Денисовича») принадлежат к числу прецедентных текстов.

2. Прецедентное имя. Сложный знак, при употреблении которого апелляция осуществляется не к референту, а к набору дифференциальных признаков прецедентного имени; конкретное имя, связанное либо с прецедентной ситуацией (Сергей Лазарев, Лео Бокерия, Столыпин, Кузьма Минин), либо с широко известным текстом (Обломов, Кощей Бессмертный, Вовочка). Прецедентное имя может состоять из одного и более элементов, выражая при этом одно понятие [Кушнерук, 2007].

3. Прецедентное высказывание. Репродуцируемый продукт речемыслительного процесса, в качестве которого могут выступать цитаты из текстов различного характера («Карету мне, карету!», «Всё смешалось в доме Облонских...»), а также пословицы и поговорки («Упрямая овца – волку корысть», «Без денег сон крепче») [Красных, 2003, с. 175-190].

4. Прецедентная ситуация. Эталон, образец «идеальной» ситуации, связанной с набором определённых коннотаций; её дифференциальные признаки входят в когнитивную базу (Евровидение, восстание декабристов в 1825 году, выпускной бал) [Красных, 2003, с. 172-175].

Кроме вышеизложенного, добавим, что прецедентный феномен может дополняться вербальными составляющими, а также видеорядом или изображением (например, видеоролик или плакат).

Мы основываемся на научном подходе Д. Б. Гудкова [Гудков, 1999, с.10-40], предложившем три алгоритма становления прецедентного феномена. Алгоритм первый: явление должно получить известность у широкого слоя национального лингвокультурного сообщества. В этом случае феномен редко имеет инвариант восприятия и может быть осмыслен в процессе социализации. Второй алгоритм представляет собой более сложную систему: прецедентный феномен должен соответствовать эталонному представлению сообщества и приобрести исключительный вариант восприятия. Третий алгоритм может быть применим лишь в том случае, если реально произошедшее событие приобрело статус «эталонного», став впоследствии объектом изображения, например, в тексте или имени. В

«Гражданине Поэте» удачно сочетаются прецедентные феномены, образованные всеми тремя алгоритмами.

Подводя промежуточный итог, отметим: уровень прецедентности напрямую зависит от восприятия своеобразного «эталона», идеального представления о чём-либо национального лингвокультурного сообщества, но иногда может полностью терять свою актуальность [Ольшанский, 2003; Питерс, 1986]. Употребление в устной и письменной речи прецедентных феноменов реализует процесс оживления накопленного «культурного багажа». Современная языковая ситуация часто требует от получателя прецедентного феномена способности соотнести форму и содержание. Знания, необходимые для полноценного понимания современной устной речи и языка письменных произведений, – это знания реалий, художественных фильмов и литературных произведений, текстов популярных песен, стереотипных образов и ситуаций, то есть всего, что лежит в основе прецедентных феноменов [Брилёва, 2004]. Таким образом, понимание прецедентных феноменов и их осмысление опираются на повышенную речемыслительную активность получателя информации.

1. 4. 2. Классификации прецедентных феноменов

Прецедентные феномены как лингвистическое явление классифицируются на основе различных критериев.

По степени известности лингвокультурному сообществу прецедентные феномены подразделяются на микрогрупповые, макрогрупповые, национальные, цивилизационные, общечеловеческие. Единственным классом, который традиционно исключают из классификации, является класс индивидуальных, автопрецедентных феноменов³ [Слышкин, 2000, с. 117].

³ Забегая вперёд, отметим, что на практике критерий известности проявляется в сознании каждой отдельной языковой личности по-разному, следовательно, полностью исключать существование автопрецедентных феноменов мы не вправе.

Подобного мнения придерживается и другой учёный-лингвист, В. В. Красных, разграничивающая прецедентные феномены на универсально-прецедентные (отличаются известностью любому современному человеку), социумно-прецедентные (понятные любому представителю среднего социума) и национально-прецедентные (адекватны для участников определённых лингвокультурных сообществ) [Красных, 2003, с. 139].

По степени прецедентности противопоставляет прецедентные феномены лингвист Н. А. Кузьмина, полагаящая, что существуют прецеденты «сильные» и «ключевые прецедентные феномены текущего момента». «Сильными» являются феномены, постоянно находящиеся в памяти национального лингвокультурного сообщества (классические художественные произведения, события и имена национального масштаба и пр.), а «слабыми» – феномены, обладающие активностью в относительно короткое время («однодневные» политические лозунги, рекламные ролики, сериалы) [Кузьмина, 2009, с. 86].

Учитывая характер источников заимствования прецедентных текстов, считаем возможным самостоятельно выделять прецедентные феномены, заимствованные из области искусств (литературы, фольклора, мифологии, кино, музыки, театра), науки (гуманитарных и естественных знаний), религии (религиозных учений и текстов), социальной области (медицины, образования, политики, спорта).

Мы можем обозначить ещё одну классификацию, базирующуюся на пяти основных видах реминисценций, служащих средством апелляции к прецедентным феноменам [Слышкин, 2000]. Данную классификацию мы проиллюстрируем нашим материалом. Итак, прецедентные феномены базируются:

1) на упоминании – обращении к прецедентному феномену путём прямого (то есть нетрансформированного) воспроизведения языковой единицы, являющейся именем данного прецедентного феномена. Такой единицей обычно служит заглавие произведения («Все умрут, а я останусь»

[Быков, 2012 (б), с. 27] – идентично названию российского фильма 2008 года);

2) на прямой цитации – дословном воспроизведении языковой личностью части прецедентного феномена или его всего в том виде, в котором этот прецедентный феномен (например, отрывок текста) сохранился в памяти цитирующего. Для цитации, основанной на прецедентном феномене, характерна имплицитность, т.е. отсутствие ссылки на источник цитирования («Уж сколько раз твердили нам, что...» [Быков, 2012 (а), с. 15] – аналогично зачину басни И. А. Крылова «Ворона и лисица»);

3) на квазицитации – полном или частичном воспроизведении языковой личностью прецедентного феномена в своём дискурсе в умышленно изменённом виде (название всего цикла «Гражданин Поэт» [Быков, 2012 (а); 2012 (б)] – частичная трансформация названия стихотворения Н. А. Некрасова «Поэт и гражданин»);

4) на аллюзии – наиболее трудноопределимом и ёмком виде реминисценции. Приём аллюзии заключается в соотнесении предмета общения с ситуацией или событием, описанным в определённом прецедентном феномене, без его упоминания и без воспроизведения значительной его части, то есть на содержательном уровне («Я спою вам о двух капитанах, что и сами понять не смогли, как они в обстоятельствах странных потопили свои корабли» [Быков, 2012 (б), с. 19] – о затоплении круизного лайнера «Costa Concordia»);

5) на продолжении – реминисценции, основой которой служат художественные тексты; её использование является обычно прерогативой профессиональных писателей. Продолжение – это самостоятельное литературное произведение, действие которого разворачивается в «воображаемом мире», уже известном носителям культуры из произведений другого автора, мифологии или фольклора («За пару часов до рассвета, собравши зверей толпу, на лысой горе Совета разлёгся великий Пуу» [Быков,

2012 (б), с. 14] – российское продолжение «Книги Джунглей» Р. Д. Киплинга).

1. 4. 3. Функции прецедентных феноменов

Богатые ресурсы функциональных особенностей прецедентных феноменов позволяют объяснить частое обращение к ним (как в бытовом, так и в художественном и публицистическом контекстах). В данной работе мы остановимся на тех функциях прецедентных феноменов, которые характерны именно для коммуникации/пародийных текстов Д. Л. Быкова.

При таком подходе у функций прецедентных феноменов есть свои задачи:

- 1) вызвать узнавание у читательской аудитории;
- 2) создать комический эффект путём столкновения нескольких дискурсов (то есть различных событийных аспектов) [Арутюнова, 1999];
- 3) поддержать развитие сюжета всего цикла «Гражданин Поэт», а не только отдельных его стихотворений.

Отметим, что в стихотворном цикле «Гражданин Поэт» (как и в любом удачном произведении) выделенные задачи совмещаются [Саксонова, 2001, с. 15].

Для нашей работы преимущественный интерес представляют функции прецедентных феноменов непосредственно в исследуемом тексте. Ниже перечислим эти функции и поясним их.

1. Функция оценки. Прецедентные феномены – важное средство эмоциональной оценки: они не претендуют на логическую законченность, на точную формулировку, но ярко выражают субъективное отношение автора. Оценка, выраженная с помощью прецедентных феноменов, не претендует на объективность, она подчеркнута эмотивна и субъективна [Гудков, 2003, с. 157].

2. Моделирующая функция – функция формирования представлений о мире в виде модели. Прецедентные феномены – значимая часть национальной языковой картины мира. С их помощью тому или иному реальному лицу приписываются определённые качества, эталонным носителем которых выступает прецедентное (-ый; -ая) высказывание/имя/текст/ситуация [Якобсон, 1985].

3. Прагматическая функция – функция воздействия на адресата. Прецедентные феномены – мощное средство воздействия на аудиторию (зрительскую, читательскую, совмещённую), они помогают переформатировать картину мира, имеющуюся у адресата. Прецедентные феномены, употреблённые в «Гражданине Поэте», задают определенную систему ценностей и антиценностей, которая в той или иной мере регулирует поведение представителей национального лингвокультурного сообщества, объединяя «своих» и противопоставляя их «чужим».

4. Эстетическая функция связана с тем, что прецедентные феномены транслируют особый способ эстетической оценки мира; они воспринимаются адресатом как эстетически значимые, привлекают к себе внимание необычной формой выражения. Поскольку прецедентные феномены нередко рассматриваются в качестве одной из разновидностей метафоры (хотя не всегда и не всякий прецедентный феномен употребляется метафорически), то их восприятие во многом аналогично восприятию метафоры – одного из главных средств эстетического воздействия.

5. Парольная функция. Прецедентные феномены, используемые в стихотворных текстах Д. Л. Быкова, часто служат для обнаружения общности ментально-вербальной базы автора и читателя. Читатель, откликаясь на пароль, названный автором, становится «посвящённым». Таким образом, читатель и Д. Л. Быков образуют своего рода «команду оппозиции», группу единомышленников, понимающих друг друга и отделяющих себя от несогласных с ними.

6. Людическая функция. Использование прецедентных феноменов часто имеет характер своего рода языковой игры: автор задаёт загадку, а читатель ищет на неё ответ. Языковая игра способствует привлечению внимания к форме текста «Гражданина Поэта», снижению напряженности общения и делает его менее формальным, более «разговорным», бытовым.

7. Эвфемистическая функция. Применение прецедентных феноменов в некоторых случаях помогает смягчить авторское послание Д. Л. Быкова, сделать его менее резким, менее конкретным и – в конечном итоге – выразить необходимую информацию в неагрессивной форме.

Заметим, что все названные функции прецедентных феноменов реализуются в комплексе [Супрун, 1995; Хазагеров, 1999], хотя в тех или иных контекстах возможно преобладание каких-либо функций. При определении этих функций в нашем исследовании важно учитывать не только сатирическое содержание текста «Гражданина Поэта», но соотношение данного текста с предвыборным и медийным дискурсами, которые «спровоцировали» появление данных текстов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Появление проектов, подобных «Гражданину Поэту», по праву считается «идеальным преступлением» в культурной среде. Д. Л. Быкову удалось деликатно отойти от традиционных культурных штампов, одновременно сделав последние предметом пародии и/или осмеяния. Нестандартное использование прецедентных феноменов стало идиостилевой доминантой, позволяющей подвергнуть разоблачению замысел стихотворного цикла: обнажение привычной системы искусства и высказывание своей точки зрения «по поводу».

В «Гражданине Поэте» прослеживается синкретичное отображение автора как языковой личности: в лингводидактическом, литературоведческом и психолингвистическом направлениях. Чтобы адекватно и целостно

воспринять стихотворный цикл, а не просто прочесть его как нечто «знакомое, но видоизменённое», потенциальный читатель должен: а) обладать (стремиться к обладанию) читательским опытом и вкусовыми пристрастиями, схожими с предпочтениями Д. Л. Быкова; б) уметь профессионально и/или на интуитивном уровне чувствовать стилистические особенности текстов-основ; в) находиться на момент прочтения в едином с Д. Л. Быковым дискурсе [Ван Дейк, 2000].

На основе анализа реализации Д. Л. Быковым его языковой способности (что он «говорит» и как «говорит») представляется возможным получение выводных знаний о «личности»: а) как индивидууме и авторе произведённых им текстов – со своим характером, интересами, социальными и психологическими предпочтениями и установками; б) как типе – типовом представителе данной языковой общности и более узкого входящего в неё речевого коллектива, то есть как «совокупном», или усреднённом, носителе данного языка-культуры; в) как представителе человеческого рода, неотъемлемым свойством которого является использование знаковых систем и естественных языков. Комплексность подхода к анализу идиостилевой доминанты (прецедентных феноменов) через языковую личность проявляется в том, что язык «Гражданина Поэта» в этом случае предстаёт не односторонне, а во всех своих ипостасях одновременно: и как система, и как текст, и как уникальная способность Д. Л. Быкова.

ГЛАВА 2

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЦИКЛЕ «ГРАЖДАНИН ПОЭТ»: ОБЩЕЕ И УНИКАЛЬНОЕ

Данная глава посвящена анализу традиционных черт прецедентных феноменов и их нестандартных проявлений в стихотворном цикле Д. Л. Быкова. В главе осмысляется реализация прецедентных феноменов как неотделимой от всего текста структурной части; анализируется типология прецедентов «Гражданина Поэта» по критерию «масштабность»; уточняются спорные моменты в вопросах переходности прецедентных феноменов. Кроме того, во второй главе даётся расширенный анализ эвфемистической функции прецедентов и обосновывается включение прецедентных феноменов «Гражданина Поэта» в идиостилевую категорию комического.

2. 1. Типология прецедентных феноменов в «Гражданине Поэте»

Мы проанализировали типологию прецедентных феноменов «Гражданина Поэта». В 61 стихотворении цикла мы выделили 237 прецедентных феноменов, которые, напомним, можно классифицировать по различным основаниям: по масштабности, степени прецедентности, характеру источника заимствования прецедентных текстов и т.д. Подробнее остановимся на первой классификации, в основу которой положен критерий масштабности.

Под масштабностью понимается значимость прецедентного феномена для отдельной личности как представителя какой-либо социальной или культурной группы. Следуя этому основанию, все типы прецедентных феноменов (тексты, высказывания, ситуации и имена) цикла «Гражданин Поэт» можно разделить на социумно-прецедентные и национально-прецедентные. Учёные выделяют еще и общечеловеческие прецедентные

феномены, однако для анализируемого цикла этот тип прецедентных текстов является нерелевантным.

Итак, к социумно-прецедентным относятся прецедентные феномены, «известные любому среднему представителю социума и входящие в коллективное когнитивное пространство» [Красных, 2003]. Например: *Я не люблю Максимова и Эрнста / И Белого, сыгравшего Христа* (стихотворение «Спасибо, что бухой» [Быков, 2012 (б), с. 11-13]). Здесь Д. Л. Быков апеллирует к людям, читавшим интервью с С. В. Безруковым, где актёр рассуждает о своем амплуа. В этом интервью актёр, заслуживший широкую известность у российского зрителя как исполнитель роли Саши Белого в культовом сериале «Бригада», анализирует сыгранные им роли в театре и кино, в том числе и роль Иешуа Га-Ноцри в «Мастере и Маргарите», и высказывает мысль о невозможности сыграть Иисуса. По мнению Д. Л. Быкова, С. В. Безруков противоречит себе: Иешуа Га-Ноцри и есть воплощение Христа. Именно неразборчивость актёра в выборе ролей вызывает полемику, а подчас и отторжение в культурной среде и негативно оценивается Д. Л. Быковым. Логично предположить, что в аудитории, не знакомой с творчеством С. В. Безрукова, не возникнет абсолютно никаких культурных откликов.

К социумно-прецедентным в цикле «Гражданин Поэт» относятся:

а) высказывания и тексты, отсылающие к фильмам, стихотворениям и песням: «Спасибо, что бухой» [Быков, 2012 (б), с. 11-13] (фильм о В. Высоцком «Спасибо, что живой!»), «Ты меня на рассвете разбудишь, я проснусь от тяжёлого взгляда...» [Быков, 2012 (б), с. 7] (стихотворение «Сага» А. А. Вознесенского), «Скандал! Скандал! Попы из города Ижевска казали пастве дорогой, что сам – Кирилл! – не хочет вечного блаженства, а дружит с властью и деньгой...» [Быков, 2012 (а), с. 87] (романс Б. Окуджавы «Женюсь, женюсь...»);

б) тексты законов и законопроектов, которые обсуждаются и принимаются в Государственной Думе, а также тексты официальных

заявлений, ультиматумов, писем: закон об амнистии, письмо 55 общественных деятелей «Против информационного подрыва доверия к судебной системе» в России («Ты рассказала достойно и пылко нам, / Сильно смутив большинство, / Как Мосгорсуд обходился с Данилкиным, / Как нагибали его» – о тексте приговора М. Б. Ходорковскому, навязанному против воли судье В. Данилкину [Быков, 2012 (а), с. 5-9]);

в) тексты, апеллирующие к резонансным общественным событиям: заявление руководителя морской экспедиции на Таманском заливе о том, что амфоры, поднятые Президентом Российской Федерации со дна моря, относятся к VI веку нашей эры; последнее обращение Д. А. Медведева в качестве Президента РФ с посланием к Федеральному Собранию («Президент сказал Китаю фразу, главную в году, / – Типа я не исключаю, что на выборы пойду» – сообщение высших должностных лиц о своих планах китайскому телевидению [Быков, 2012 (а), с. 27-28]);

г) тексты различных лозунгов и девизов, утративших былую актуальность либо знакомых узкому кругу людей: «Не забуду мать родную!», «Родина-Мать зовёт!», «Даёшь кукурузу!», «Русский – значит сильный!», «Москва – не аул!», «Хватит кормить Кавказ!».

В проекте Д. Л. Быкова социумно-прецедентные феномены составляют большую часть от их общего количества (167).

Вторую группу составляют национально-прецедентные феномены. Это прецедентные тексты, высказывания, ситуации и имена, известные практически любому представителю национального сообщества, входящие в его когнитивную базу: *Рок-н-ролл уже мертв, / а шансон еще жив, и «Любэ» зажигает с толпой, / Перед нею последний герой сорвался на вой: / «Наши деды пошли умирать под Москвой, / и погиб под автобусом Цой, / А те, кто живёт подо мной, умрёт подо мной!»* (стихотворение «Все умрут, а я останусь»). В предложенной строфе Д. Л. Быков апеллирует, во-первых, к историческому тексту, значимому для целой нации, и, во-вторых, к смене парадигм в музыкальной культуре. Автор сравнивает мнимую и истинную

значимость народных героев: российскую военно-патриотическую рок-группу, славящуюся национально-патриотической тематикой песен, советского рок-музыканта и бойцов, участвовавших в легендарной битве 1941-1942 годов за Москву в войне с фашистской Германией. Д. Л. Быков предлагает своим читателям самим расставить приоритеты, опираясь на общую интеллектуально-культурологическую осведомлённость аудитории, в том числе её музыкальный вкус.

К этому типу прецедентных феноменов в цикле «Гражданин Поэт» относятся:

а) хрестоматийные тексты, входящие в школьную программу: «В полном разгаре страда деревенская...» Н. А. Некрасова, «Бородино» М. Ю. Лермонтова, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Ворона и лисица» И. А. Крылова, «Евгений Онегин» А. С. Пушкина («Алло, студентка с громкой глоткою, / Как незавиден твой удел! / Тебя я видел Незнакомкою – / И разорванкою узрел» – трансформация известного стихотворения А. А. Блока «Незнакомка» [Быков, 2012 (а), с. 67]);

б) тексты, названия официальных правовых документов: Конституция, Уголовный Кодекс РФ, а также выдержки из них («Он говорит: “Иди сюда ты! / Я хочу с тобой на дебаты”» – об официально закреплённом обязательстве участия в предвыборных дебатах [Быков, 2012 (б), с. 17-19]);

в) названия политических структур и объединений, основой существования которых являются тексты законов и законодательных актов: Российская Федерация, партия «Единая Россия», Государственная Дума («Наша главная боль / Называется климат. / Он везде и во всём / Как в Совдепии молот» – о Совдепе как уровне местного правления в РСФСР и СССР, закреплённом Конституцией [Быков, 2012 (б), с. 24-26]);

г) названия различных сайтов, тексты которых пользуются большой популярностью у современного интернет-пользователя: «Живой Журнал», «Фейсбук», «ВКонтакте», «Википедия» («И мир пообвыкся, что этот типаж – / глава “Викиликса” – действительно наш!» – упоминание сайта WikiLeaks,

известного своими разоблачительными статьями в сфере международной политики и безопасности [Быков, 2012 (б), с. 20-22]).

Имена, названия событий, явлений и заголовки произведений с позиции осмысления прецедентных феноменов могут иметь двойственную квалификацию: они могут быть отнесены и к прецедентным текстам, и к прецедентным именам [Красных, 2003]. На наш взгляд, данные единицы можно квалифицировать как тексты, поскольку название (заголовок) текста (а иногда и имя его автора) являются неотъемлемой частью текстового пространства, его смысловой доминантой и связаны с текстом метонимическими отношениями. Например, заголовок одного из стихотворений цикла – «Без ансамбля»: одноимённое название носит американская молодёжная комедия, однако однозначно отнести «Без ансамбля» к прецедентному имени было бы некорректно. Суть стихотворения Д. Л. Быкова заключается в наблюдении за людьми, ищущими справедливость, но не находящими поддержки в обществе и вынужденными отстаивать свои законные права самостоятельно; похожая ситуация описывается и в комедийной ленте. Следовательно, «Без ансамбля» справедливо считать и прецедентным названием, и прецедентным кинотекстом [Быков, 2012 (а), с. 29-32].

В цикле «Гражданин Поэт» Д. Л. Быкова насчитывается 70 национально-прецедентных текстов, что составляет примерно треть от всех прецедентных текстов.

Классификация прецедентных текстов по принципу масштабности, или значимости текстов для определенной социальной группы, показывает следующее.

Во-первых, Д. Л. Быков, владея обширным читательским и культурным опытом, выступает как представитель определенной социальной группы, сущностными характеристиками которой являются интеллектуальная элитарность и альтернативные взгляды на все сферы жизни (политика,

образование, наука, религия, искусство), о чём свидетельствует преобладание в цикле стихотворений социумно-прецедентных текстов.

Во-вторых, цикл «Гражданин Поэт» – это своеобразный способ независимой оценки Д. Л. Быковым современной политической и околополитической ситуации.

В-третьих, стихотворения Д. Л. Быкова есть апелляция к потенциальному читателю, имеющему такой же широкий ассоциативный ряд, уровень образования и сходную жизненную ситуацию. Следовательно, использование социумно-прецедентных текстов в цикле «Гражданин Поэт» Д. Л. Быкова – информативный способ интеллектуального, культурного и политического самовыражения автора и одновременно поиск «своего» читателя (зрителя).

2. 2. Переходные явления между прецедентными феноменами в «Гражданине Поэте»

В текстах Д. Л. Быкова можно выделить все типы прецедентных феноменов. В то же время наш материал показывает отсутствие непроходимых границ между разнотипными прецедентами, и это объясняется следующим образом. В традиционно принятой классификации прецедентных феноменов (см., например, работы Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» [Караулов, 2010] и В. В. Красных «“Свой” среди “чужих”: миф или реальность?» [Красных, 2003]) каждый тип имеет ряд отличительных признаков, по которым его нельзя смешивать с прецедентами других типов. Как правило, анализируя прецедентные феномены, ученые: а) приводят отрывочные примеры из внутрикультурных [Боярских, 2006; Greenbaum, 1980] и межкультурных, но не эстетических коммуникаций; б) в качестве прецедентных осмысливают только фольклорные тексты (пословицы, поговорки, загадки, анекдоты) или ставшие хрестоматийными имена [Нахимова, 2007 (б)] безотносительно к конкретным текстам («А кто это

делать будет? Пушкин?», «Кошелёк или жизнь?», «Кино и немцы!»), но не используют этот подход для анализа художественного (в том числе художественно-публицистического) текста, который, как известно, гораздо шире и сложнее любой типологической классификации. Анализируя цикл стихотворений Д. Л. Быкова, мы обнаружили неоднозначность квалификации тех или иных прецедентных феноменов. Исключение составляют только представленные в цикле тексты анекдотов, которые, как известно, не имеют автора [Graham, 2001] и, следовательно, инварианта. Все остальные прецедентные феномены, как нам видится, предполагают разнообразное взаимодействие типов: прецедентного высказывания и прецедентной ситуации [Захаренко, 1997, с. 82-102]; прецедентного текста и прецедентного имени и т.д. Охарактеризуем некоторые из них.

Сложное взаимодействие прецедентного текста, прецедентного имени и прецедентной ситуации обнаруживается в стихотворении «Дядя Стёпа – миллиардер» [Быков, 2012 (а), с. 39], представляющем собой переделанный Д. Л. Быковым текст стихотворения «Дядя Стёпа – милиционер». Исходное стихотворение знакомо большинству читателей с детства, оно опознаётся в тексте Д. Л. Быкова за счёт ритмомелодической структуры и частичной сохранности лексики. В обоих текстах прослеживается общая семантика: противопоставление жизни условного «Дяди Стёпы» «до» и «после», некий итог долгого поиска себя: у С. В. Михалкова – качественная служба Степана Степанова в милиции, на «своём» месте, наполненная патриотизмом и чувством долга перед самим собой и отечеством; у Д. Л. Быкова – прислуживание М. Д. Прохорова интересам вышестоящей власти, решение возглавить думскую партию «Правое дело», занятие им «своего» второго места на выборах в 2011 году.

Стихотворения «Дядя Стёпа – миллиардер» и «Дядя Стёпа – милиционер» объединены общей приверженностью патриотизму, своеобразными условными знаками которого выступают прецедентные имена: истинно патриотичные автомобиль «Москвич», футбольные клубы

«Спартак» и «Динамо», Балтийский флот, город Москва (в детском стихотворении); карикатурно патриотичные по причине владения ими лишь М. Д. Прохоровым российская золотодобывающая компания «Полюсзолото», энергетическая компания «Квадра», медиагруппа рекламы и консалтинга РБК, завод светодиодов «Оптоган» и его эпохальное детище «Ё-мобиль» (автомобиль, работающий от электрической энергии), города Амстердам, Париж, Канны (в стихотворении Д. Л. Быкова).

Связующим звеном между прецедентной ситуацией и прецедентным именем выступает, в том числе, и прецедентное высказывание «— Есть!». Традиционно это ответная форма милиционеров и военных на приказ старшего по рангу или званию. Но такое «слепое» повиновение мы можем видеть лишь в реакции М. Д. Прохорова на предложение-приказ «сверху» поучаствовать в выборной гонке и занять заранее условленное место. Дядя Стёпа С. В. Михалкова, наоборот, взвешенно и рассудительно отвечает на все вопросы и предложения, давая развёрнутые ответы, избегая формальных «Так точно!» и «— Есть!» и придерживаясь исключительно собственного мнения. Подобное риторическое соотношение двух стихотворений, когда быковское слово является отзвуком и диссонансом по отношению к михалковскому слову, а границы между «своим» и «чужим» размываются, становится источником необъятных возможностей для нахождения других, более глубоких смыслов послания Д. Л. Быкова. Схожая метонимия между прецедентной ситуацией и прецедентным именем наблюдается в стихотворениях «Скажи-ка, Дима» [Быков, 2012 (а), с. 9-11], «Горе и умняк» [Быков, 2012 (а), с. 11-14], «Подмосковные венчура» [Быков, 2012 (а), с. 62-65], «Интернационал» [Быков, 2012 (а), с. 69].

Неоднозначна взаимосвязь прецедентного высказывания и прецедентного имени, например, в стихотворении Д. Л. Быкова «Не жалею, не зову, не плачу...» [Быков, 2012 (а), с. 33], где прецедентное высказывание выражено эксплицитно, а прецедентное имя — имплицитно. «Я ведь был когда-то президентом, думаю, меня возьмут туда!»: цитата из интервью,

данного Премьер-министром России одному из телеканалов, в котором он рассказывает, что после выборов планирует заняться научно-просветительской деятельностью в Сколково, сама подводит читателя к имени политического деятеля. Текст Д. Л. Быкова создан на основе знаменитого стихотворения С. А. Есенина. Лишь одна строка стихотворения-оригинала сохранена Д. Л. Быковым полностью: «Не жалею, не зову, не плачу...». Именно она задаёт тон дальнейшему повествованию героя, поскольку важно не только то, что было сказано, но и кто автор цитаты. Д. Л. Быкову удаётся сохранить нужную логическую последовательность. Объединённость стихотворений С. А. Есенина и Д. Л. Быкова легко угадывается в мелодике и ритме текстов. На семантическом уровне оба стихотворения связаны темой предстоящего ухода, исчезновения, безысходности, старости и даже увядания. Но при этом лирический герой С. А. Есенина подводит черту итогам своей личной шальной молодости, а герой Д. Л. Быкова, Д. А. Медведев, подытоживает свою деятельность на посту Президента в масштабах целой страны. Такое, на первый взгляд, нелепое соотношение расстановки приоритетов, с одной стороны, добавляет комичности в цикл, а с другой – показывает реальное положение дел на современной социально-политической арене, кощунственность в рассуждениях людей, стоящих у власти (*Скоро я последний год растрачу / Царственного срока своего, / Я и сам не помню, что там было, / По большому счёту, всё равно...*). Примечательно, что, как и в оригинале есенинского стихотворения, герой Д. Л. Быкова говорит от первого лица. Получается своеобразная исповедь президента, предчувствующего закат своей карьеры, а может быть, и впадение в забытие. Апелляцией к имени Д. А. Медведева по праву можно считать прецедентные ситуации («Техосмотр для педофила», «Кастрация казино»). Предложения, вносимые в законопроекты при правлении этого же человека, иногда были столь безрассудны и нелогичны, что даже нарочитая небрежность Д. Л. Быкова в их описании позволяет без труда вспомнить те или иные политические

инициативы уже экс-президента (принудительную химическую кастрацию педофилов; обязательное получение каждым казино технического паспорта). Особо примечательно, что именно интервью телеканалу «Дождь», известному своим альтернативным взглядом на события в нашей стране, стало одним из самых откровенных интервью премьера, и что именно оно послужило поводом для создания «Не жалею, не зову, не плачу...». Последняя фраза быковского стихотворения остро сопряжена с текстом С. А. Есенина: «Или кто другой скакал на мне?» (в оригинале читаем: «Проскакал на розовом коне»). Это своеобразная квинтэссенция размышлений политика о том, кто во время его руководства действительно был у власти, а кто лишь формально занимал высшую должность. Таким образом, даже не упоминая имени политического деятеля, Д. Л. Быков смог тонко намекнуть, кто является исполнителем трогательной тирады. Схожими связями между прецедентным высказыванием и прецедентным именем обладают также стихотворения «Не надо грязи» [Быков, 2012 (а), с. 59], «Спектакль года» [Быков, 2012 (а), с. 95-97], «Селигерище» [Быков, 2012 (а), с. 55].

Взаимодействие прецедентного имени и прецедентного текста ярко проявляется в стихотворении «Спектакль года» [Быков, 2012 (а), с. 95-97]. Имя Гамлета, принца датского, ведёт к событиям произведения У. Шекспира «Гамлет». В данном случае ведущим способом актуализации прецедентной ситуации выступают прецедентные имена (Гамлет, Ахеронт, Эльсинор, Полоний, Кудрин) и сам прецедентный текст (трагедия «Гамлет»). Особо интересен факт превращения прецедентного имени в прецедентную ситуацию в самом тексте, то есть не только на ментальном уровне, но и формально. Это происходит, когда в разговоре между Гамлетом и его Тенью упоминается ближний вельможа короля Полоний (в оригинале «Гамлета»). Но сама Тень говорит, что «Полоний у британцев», косвенно указывая на случай отравления радиоактивным полонием офицера ФСБ А. В. Литвиненко, произошедший в Великобритании в 2006 году.

Можно наблюдать и обратный процесс: прецедентные тексты плавно подводят к конкретным прецедентным именам и названиям, имеющим определённый вес в конкретном лингвокультурном сообществе [Верецагин, 1980; Зимняя, 2001]. Подтвердим сказанное примерами: *Пока, датчане. Дальше тишина. / Матросская, как говорят на море* (здесь наблюдается апелляция к условиям следственного изолятора, именуемого в народе по месту расположения на улице Матросская Тишина); *Да я уж тут давно ходил-глядел, / Ведь я боец невидимого фронта* (обращение к высшему государственному лицу, к его статусу – во время создания поэтического текста – «человека-невидимки», «серого кардинала», временно ушедшего, как призрак в «Гамлете», в подполье, но вернувшегося, чтобы стать ещё влиятельней); *Боюсь, сынок, через двенадцать лет / Страна тут будет чисто тeneвая* (отсылка к экономико-политическим прогнозам, связанным с Россией). Подобные метонимические связи между прецедентами-именами и прецедентами-текстами можно обнаружить в следующих стихотворениях цикла «Гражданин Поэт»: «Сводки с фронта» [Быков, 2012 (а), с.37-38], «Калина жёлтая» [Быков, 2012 (а), с. 83-86], «Свежий закон джунглей» [Быков, 2012 (б), с. 14-16], «Холод собачий» [Быков, 2012 (б), с. 23-25].

Анализ цикла стихотворений Д. Л. Быкова «Гражданин Поэт» даёт нам основания утверждать, что традиционная типология прецедентных феноменов не позволяет на практике чётко разграничить типы прецедентов. В одном стихотворном контексте встречаются разные типы феноменов, которые взаимодействуют друг с другом по метонимическому принципу, являясь неразрывной частью единого целого, частью одного прецедента. Поэтому сложно, а порой и невозможно вычлениить и однозначно квалифицировать конкретный тип прецедентного феномена.

Тексты Д. Л. Быкова, вошедшие в цикл «Гражданин Поэт», прагматичны, созданы «на злобу дня», но в то же время обладают тонкой завуалированностью – во многом благодаря использованным прецедентам. Вполне естественно, что восприятие и понимание одного и того же

прецедентного феномена у разных языковых личностей разное, что обусловлено индивидуальными особенностями мышления человека. В результате этого стихотворения «Гражданина Поэта» трансформируются в своеобразную «коммуникативную лотерею» и могут быть верно интерпретированы лишь той частью населения страны, которая имеет такой же фонд культурных знаний, как и Д. Л. Быков. Цикл «Гражданин Поэт» становится своеобразным «посланием для избранных»; не только пародией и пропагандой, но и культурно-аксеологическим явлением.

Именно прецедентные феномены, органично вошедшие в текстовую ткань «Гражданина Поэта», порождают у «избранных» нужные автору ассоциации, что в целом работает на коммуникативную успешность текста. А метонимические связи разнотипных прецедентных феноменов, их переходность, взаимоналожение, риторическое соотношение, тяготение к экспликации одного типа прецедентного феномена и имплицитности феномена другого типа, обратимый характер прецедентов ведут к формированию в стихотворениях метапрецедентов. Последние можно считать показателями сложных метасимволов, являющихся отличительной – идиостилевой – особенностью стихотворного цикла Д. Л. Быкова.

2. 3. Эвфемистическая функция прецедентных феноменов: идиостилевая стратегия Д. Л. Быкова

Прецедентные феномены как экстралингвистическое явление обладают широким спектром функций, однако в идиостилевом отношении особый интерес представляет эвфемистическая. Во-первых, она активно используется для пародирования атрибутов современной реальности, во-вторых, формирует дополнительные смыслы и контексты. Сущность эвфемистической функции заключается в замене запрещенных или нежелательных языковых единиц на их нейтральные варианты [Ковшова, 2007]. Это позволяет сохранить противоречивость прямого и переносного

смыслов слов, входящих в состав прецедентного феномена, отразить переосмысление массовой культурой вечных ценностей, авторитетов, эталонов в угоду сиюминутным значимостям и одновременно замаскировать нетактичный или неприличный прецедент.

Стихотворный цикл Д. Л. Быкова «Гражданин Поэт» является одним из ярких примеров эвфемизации явлений современности посредством прецедентных феноменов. В текстах цикла переплетаются три основных процесса авторской деятельности [Сеничкина, 2012, с. 15-57]: номинация (перечисление конкретных событий, явлений и действующих лиц), предикация (соотнесение содержания стихотворений с действительностью) и оценка (личное мнение Д. Л. Быкова-поэта). Эвфемизация объединяет вышеназванные процессы в единое целое.

Ключевыми в «Гражданине Поэте» являются «замаскированные» прецедентные высказывания и имена, реже – ситуации и тексты. Это объясняется тем, что первые обнаруживают большую точность и корреляцию с конкретными личностями. Цель эвфемизации при помощи прецедентных феноменов в тексте – скрыть от широкой обывательской аудитории то, что Д. Л. Быков хочет сообщить только искущённому читателю. Такого рода «зашифрованность» сообщения относительна, и очень скоро она становится мнимой, поскольку цикл «Гражданин Поэт» доступен для общей интерпретации каждому читающему и слушающему (с разницей из-за интерпретативных возможностей адресата). Поскольку стихотворения «Гражданина Поэта» созданы «по горячим следам» событий 2010-2011 годов, у прецедентных феноменов-эвфемизмов стихотворного цикла (и медиапроекта) есть и узконаправленные задачи. Дадим их характеристику.

1. Стремление избежать коммуникативных конфликтов, не создавать у собеседника ощущение коммуникативного дискомфорта [Добросклонская, 2008]. В эвфемизмах, преследующих эту задачу, в более «мягкой» по сравнению с иными способами номинации форме называется объект, действие, свойство. Например: *Но у нас бы Усама отстроил Чечню, / А у вас*

не вернулся из боя [Быков, 2012 (а), с. 35-37]. Здесь трансформированное прецедентное выражение, оригинал которого принадлежит В. С. Высоцкому, позволяет, во-первых, заменить упоминание о ликвидации «террориста номер один» в США, а, во-вторых, оставить вопрос о том, действительно ли убили Усаму Бен Ладена, без ответа.

2. Вуалирование, камуфляж существа дела – еще одна задача, успешно реализуемая в стихотворной практике Д. Л. Быковым. Подтвердим сказанное примером: *Тюрки небесные, вечные странники! / Стаей таджикской, цепью недружную, / Бросивши мётлы, вы движетесь в панике / С милого севера в сторону южную* [Быков, 2012 (б), с. 9-10]. В этом контексте наблюдается апелляция к предложению главного санитарного врача России о запрете въезда мигрантов из Таджикистана по соображениям медицинской безопасности. Прямо упоминать в тексте о том, что гастарбайтеры часто являются источником заражения многими смертельно опасными заболеваниями, было бы неуместно.

3. Сообщение только конкретному адресату. Так, во фразе: *Еще вчера в шелка закутана – / Ты дерзко обнажаешь грудь. / Чего и сделать-то за Путина / Как не порвать кого-нибудь?* [Быков, 2012 (а), с. 67-68] – фамилия Президента Российской Федерации ничего не сообщит стороннему читателю, однако сведущая публика поймет, что именно в ней зашифровано упоминание о сообществе «Порву за Путина!», которое активно рекламирует себя сомнительными акциями.

На материале 61 стихотворения цикла нами были выделены следующие приёмы реализации эвфемистического кодирования:

1) двусмысленная речь, построенная на приёмах метонимии, метафоры, антифразии или фонетической аллюзии: *Мол, Нургалиев, почему ж ты / Культурой плотно занялся?* [Быков, 2012 (а), с. 71-72] (фамилия министра внутренних дел России выступает частью всей системы МВД, однако метонимичное упоминание лишь конкретного имени сбавляет «градус» обвинений Д. Л. Быкова-поэта); *Нам выдана свобода, / Совок не воскресят –*

/ *Через четыре года / Здесь будет город-сад* [Быков, 2012 (а), с. 75-77] (метафоричность в заимствованном у В. В. Маяковского выражении отчётливо проясняется в комментарии к стихотворному отрывку: ожидания от итогов августовского путча 1991 года не оправдались, Советский Союз «развалился», а новое усовершенствованное государство так и не было построено. Тему последней советской эпохи не принято оценивать открыто, поэтому замена «кодовой» фразой более чем удачна); *Далеко, в селе Еруда, / Весь в рутине мирных дел, / Жил уехавший отсюда / Дядя Стёпа-миллиардер* [Быков, 2012 (а), с. 39] (фонетически близкие названия «Милиционера» С. В. Михалкова и «Миллиардера» Д. Л. Быкова объединены общей семантикой (см. в предыдущем параграфе);

2) нарочитая неясность /замена слова соответствующим родовым или видовым понятием: *И в Читу поехал понемногу / В новомодной желтой «Калине»* [Быков, 2012 (а), с. 83-85] (с помощью указания конкретной марки машины Д. Л. Быков избегает упоминания изрядно набившего оскомину и представляющегося чем-то вульгарным названия концерна «АвтоВАЗ»; орфоэпическая «ошибка» в слове «Калине» также свидетельствует о вульгарности);

3) логическое перефразирование, основанное на эллипсисе, антономазии или искусственной книжности: *Иван Охлобыстин пошел в президенты. / С ним Путин пошел, перепрыгнув закон* [Быков, 2012 (а), с. 87-90] (знаменитое прецедентное выражение Д. Хармса-рассказчика, будучи переделанным, отражает ситуацию баллотирования в президенты медиаперсоны И. И. Охлобыстина, а также сравнение с этой, казалось бы, нелепой ситуацией, очередного срока президентства нынешнего главы государства; завуалированным предстаёт и намёк на изменение законодательства РФ, позволяющем увеличить срок пребывания у власти); *Покуда наш Ахилл плывет вдоль побережья, / Оставленной страной рулит его пята* [Быков, 2012 (а), с. 73-74] (очевидна замена фамилии высшего должностного лица РФ реальным историческим именем, обладатель которого

был практически неуязвим; пята Ахилла, как слабое место героя, намекает на премьер-министра);

4) нарочито неточная речь, возникшая на приёмах переноса с вида на вид/синекдохе/мейозисе: *В Питер сплавил Госдуму / И правительство потом. / Белый дом отдали ГУМу / И «Ашану» – думский дом* [Быков, 2012 (а), с. 63-65] (Д. Л. Быков имеет в виду не только топографический переезд некоторых центральных органов власти, но и смену местонахождения «общего дома» – Москвы, расширение «столичного» влияния в России, упоминания о котором весьма болезненны);

5) прямое обозначение предмета, не успевшее обрасти различными бытовыми ассоциациями, или иноязычный аналог понятия: *Вороне как-то Бог... читатель, дальше сам, / Поскольку до лисы там все как у Крылова. / Лиса обычная, но несколько жирней, / И «Федерация» написано на ней* [Быков, 2012 (а), с. 15-17] (в данном случае прецедентное имя, на первый взгляд, не содержит в себе никаких аллюзий, это типичное обозначение формы правления в России; тем не менее одноименное название носит и благотворительный фонд, часто организующий различные концерты в поддержку чего-либо. Поскольку фонд уже несколько раз был замешан в весьма неоднозначных историях, связанных с исчезновением денег, прямая отсылка к нему крайне нежелательна и даже рискованна: на одном из концертов присутствовал лично Президент).

В текстовой версии «Гражданина Поэта» эвфемизмы не выделяются кавычками и не сопровождаются метаязыковыми комментариями. Д. Л. Быков изящно использует прецедентные конструкции таким образом, что их эвфемистичность проходит лейтмотивом стихотворений незаметно для «непосвящённых».

Эвфемистическая функция прецедентных феноменов, в отличие от большей части лексических средств языка, является особо чутким показателем изменений в области культуры человеческих отношений и нравственных оценок тех или иных проявлений общественной жизни. То, что

кажется эвфемизмом на одном этапе развития общества, перестаёт им быть на следующем, превращаясь в средство, которое, с точки зрения большинства носителей данного языка, именует объект слишком прямо, и наоборот. Однако создание и употребление Д. Л. Быковым прецедентных феноменов-эвфемизмов в «Гражданине Поэте» позволяет предполагать, что нацеленность на кратковременный, но точный эффект проекта была оправдана. Если же понимать явление эвфемизации прецедентов глобально, то его можно рассматривать как один из актуальных принципов организации человеческого мышления и сознания [Корнилов, 2003, с. 114-238]. Изучение данного явления во всей его широте позволяет раскрыть закономерности существования прецедентных феноменов и их социоисторическую динамику, а также проследить за тем, как меняется идиостилевая «политика» автора (например, о чём он избегает говорить, или что считает некомфортным/некорректным для себя и своего читателя и пр.).

2. 4. Категория комического как идиостилевая основа цикла

«Гражданин Поэт»

Цикл «Гражданин Поэт» Д. Л. Быкова получил широкое распространение в СМИ и базах медиапорталов. Созданные по принципу пародии в преддверии выборов 2011 года, тексты цикла традиционно представлены в категории произведений политической сатиры. Подобное разграничение удобно с формальной точки зрения, но не совсем корректно с исследовательской позиции. Термин «политическая сатира» трактуется словарём литературных терминов как способ художественного воссоздания политической действительности, главной целью которого являются критика и высмеивание обличаемых им явлений [Словарь литературоведческих терминов, 2006, с. 205]. Кроме того, для политической сатиры характерна строго отрицательная коннотация изображаемого.

Основой же «Гражданина Поэта» послужили прецедентные феномены – продукты, имеющие сверхличностный характер и обращение к которым неоднократно осуществляется в дискурсе данной языковой личности. Это означает, что тексты-пародии, написанные Д. Л. Быковым, вызовут различное «узнавание» и реакцию аудитории, следовательно, степень читательской оценки происходящего будет сильно отличаться (в зависимости от возраста, гендера, интеллектуального потенциала, опыта и даже настроения читателя). Именно поэтому в контексте идиостилевого анализа «Гражданина Поэта» логичнее говорить не о сатире, а о категории комического.

Существование комического как эстетико-философского явления обусловлено наличием определённых базовых значений, строго закреплённых за словами, людьми, событиями [Борев, 1970]. Смещение подобных значений или их искажение позволяет увидеть скрытые от поверхностного взгляда противоречия и вызывает смех, юмор, иронию, сатиру, сарказм. Подобное явление может возникнуть само собой (например, случайная оговорка), а может быть создано специально, как в цикле «Гражданин Поэт». В последнем случае комическое будет выступать важной идиостилевой характеристикой, обозначающей автора как фигуру-адресанта, а читателя – как адресата [Ван Дейк, 2000, с. 91-220].

В основе применения прецедентных феноменов, используемых Д. Л. Быковым, лежит эффект обманутого ожидания; прецедентные феномены предоставляют богатейший выбор для этого: пресуппозиция; нарушение логики; тропы и фигуры, в основу которых положена многозначность слов и выражений. Рассмотрим более подробно реализацию комического на примерах трёх текстов «Гражданина Поэта»: стихотворении «Скажи-ка, Дима» [Быков, 2012 (а), с. 9-10] (текст-основа – «Бородино» М. Ю. Лермонтова), драматическом тексте «Горе и умяк» [Быков, 2012 (а), с. 11-14] (текст-основа – «Горе от ума» А. С. Грибоедова) и тексте-сценарии

«Поэт, Гражданин и Васильев» [Быков, 2012 (б), с. 43-46], ритмо-мелодически построенном на основе «Пророка» А. С. Пушкина.

Все три текста пресуппозитивны, однако если в «Скажи-ка, Дима» и «Горе и умянке» наличествует макропресуппозиция, то есть базовые тексты, входящие в школьную программу, то в «Поэте, Гражданине и Васильеве» мы наблюдаем микропресуппозицию: ситуация, описываемая в тексте, соотносится с индивидуальным когнитивным пространством продюсера А. В. Васильева, поэта Д. Л. Быкова, актера М. О. Ефремова – авторов идеи, стихотворных текстов и моноспектаклей под названием «Гражданин Поэт». Кроме того, план выражения в первых двух случаях соответствует плану выражения прецедентных текстов-основ, то есть ритмомелодические конструкции полностью идентичны и стилистически выглядят как привычные нам тексты стихотворения и тексты драматического произведения. Сравните: *Скажи-ка, дядя, ведь недаром / Москва, спалённая пожаром, / Французу отдана?* (в тексте источнике) и *Скажи-ка, Дима, ведь недаром, / Тунис, охваченный кошмаром, / Пылает как заря?* (во вторичном тексте). Или: *Лизанька посреди комнаты спит, свесивши с кресел. Утро, чуть день брезжится. Лизанька (вдруг просыпается, оглядывается): «Светает! Ах, как скоро ночь минула!»* (в тексте-источнике) и *Комната Софьи. Раннее утро. Входит Фамусов с листком бумаги и письменными принадлежностями. Софья (брезгливо): Чуть свет уж на ногах! Какие молодцы мы! Что это за письмо? Зачем карандаши?* (во вторичном, быковском тексте).

Иначе представлен текст «Пророка»: *Восстань, пророк, и виждь, и внемли, / Исполнишь волею моей / И, обходя моря и земли, / Глаголом жги сердца людей* (в оригинале) и *С чего хандришь и ноешь ты? Садись за стол, по крайней мере! Взгляни, насколько мы круты: мы пишем в «Русском пионере»!* (в быковской версии). Очевидно, что ритм и интонация прецедентного текста-основы нарушены. Кроме того, текст Д. Л. Быкова написан в формате прозаического сценария, а не поэтического.

Соответственно, в первых двух случаях тексты «Гражданина Поэта» выглядят юмористическими, то есть в большей степени связанными с комедийными ситуациями как с неким процессом, знаково-смешными жестами и ситуациями абсурда: параллели *Недаром / Нет, даром!; Когда бы вся Россия снова / Восстала с криками «Хреново», / То и тогда бы я и Вова / Не отдали б Москвы; Фамусов: «Открытое письмо в защиту медицины. Прочти и подпиши»*. Софья пробегает текст. Софья: «Давление через СМИ... Насилье над врачом...» *Вы выставить меня хотите людоедой, но я-то тут причём?* В подобных примерах преобладает эстетическая характеристика комического. Любому читателю просто забавно наблюдать за нарочито нелепыми, переделанными художественными произведениями. Иначе комическое представлено в «Гражданине, Поэте и Васильеве»: фельетонная форма, схожая с эстрадным номером разговорного жанра, предлагает читателю карикатурное иносказание, а именно рассуждения участников проекта «Гражданин Поэт» о своей творческой деятельности и последствиях участия в ней в формате алкогольного застолья. «Гражданин, Поэт и Васильев» являются образцом тонкой самоиронии: *Коллеги, тут же подвизаясь, в нас видят чуждый элемент, но эта творческая зависть, по сути, высший комплимент*.

С точки зрения художественной эстетики комическое в «Скажи-ка, Дима» и «Горе и умняке» выражено экспрессивнее, чем в «Гражданине, Поэте и Васильеве». Это объясняется особенностями текста: проследить, к примеру, метафорические изменения проще на материале альтернативной версии произведения, сохранившей свой классический облик, нежели в разговорной интерпретации стихотворения-оригинала, экспрессивной уже по своей сути (*Не допускают их к эфиру, а это знаешь ли бо-бо... Добро б умели хоть сатиру! – но и сатиру им слабо. Зато у нас безумный трафик и три издания к январю. Пошли ты их конкретно на фиг!*). Например, мы можем выделить сравнения *И Бен Али, подобно крысе / Сбежал, моля о компромиссе, Мы не в России, не в Каире, / В России мы как мыши в сыре;*

трансформированный фразеологизм *На нас повесят все собаки*; градации *Где буду я? Где будешь ты? / Где будет Тина Канделаки?*, *Набрали бы людей проверенных – / Попа, хотя бы Хлестову, хотя бы Скалозуба...*; риторические восклицания и вопросы *О, трудность выбора! О, горе от ума!*, *Скажи-ка, Дима, ведь не даром? Не даром, ведь, скажи?*

Отметим, что прецедентные феномены в анализируемых контекстах в подавляющем большинстве случаев являются прецедентными высказываниями, реже – ситуациями. Следовательно, подвиды комического зависят ещё и от уровня трансформации прецедентного феномена: небольшие изменения на содержательном уровне и отсутствие таковых в плане выражения характерны для юмористического или иронического восприятия, значительные же трансформации и в плане содержания, и в плане выражения одновременно создают потенциал для саркастического и сатирического восприятия текстов «Гражданина Поэта».

Таким образом, создание «Гражданина Поэта» связано с особым периодом в жизни современного общества, который характеризуется смещением традиционных ценностей, сменой смыслов, появлением новых норм, в том числе средств языкового манипулирования. В таком «перевернутом», «обратном» [Murray, 2005, с. 11-36] мире абсурд выступает проводником здравого смысла, способом обрести почву под ногами. Поэтические прецеденты-основы лучше запоминаются, а значит, с большей вероятностью закреплены в когнитивной базе читателей (зрителей, слушателей) и, соответственно, смогут вызвать узнавание, нежели произведения драматические либо трансформированные в них. Прецедентные феномены «Гражданина Поэта» предлагают два варианта восприятия комического: 1) адресат-читатель и адресант-Быков не совпадают во взглядах и/или интеллектуальном потенциале, поэтому адресат воспринимает цикл как нечто юмористическое и забавное, не несущее авторской критичной оценки; 2) адресат и адресант едины в понимании текстов-основ и «Гражданин Поэт» воспринимается как сатирическое

произведение. Оба варианта, как мы полагаем, являются залогом коммуникативного успеха.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Любое художественное произведение, а тем более художественно-публицистическое, предполагает обратную связь и ответную читательскую реакцию. Однако в случае с «Гражданином Поэтом» это является, скорее, не прикладной, а генеральной задачей Д. Л. Быкова. Идиостилевая стратегия стихотворного цикла призвана заставить потенциальную читательскую аудиторию выйти из состояния статики, эстетического «равновесия». Это подтверждает активное употребление Д. Л. Быковым именно социумно-прецедентных феноменов, поскольку они предполагают обращение к коллективно-бытовому сознанию, часто поверхностному и стереотипному. Национально-прецедентные феномены, в свою очередь, акцентируют внимание на фактах, о которых говорит Д. Л. Быков, а не на их оценке, поскольку последняя представляется абсурдной, даже недопустимой (например, сложно оценить классические литературные произведения, уже признанные абсолютным большинством и ставшие вневременными).

Сознательная эвфемизация прецедентных феноменов в «Гражданине Поэте» подтверждает наши наблюдения. Как правило, резкие, излишне экспрессивные выражения заменяются нейтральными эвфемизмами: коммуникант не должен показать своё личное отношение к ситуации/ имени/ высказыванию/ тексту. В стихотворном цикле «Гражданин Поэт» важным является нарочито формальное видоизменение прецедентных феноменов; использование содержательных эвфемизмов-аналогов направлено на допустимую (пропущенную цензурой) провокацию, агрессию со стороны Д. Л. Быкова.

Полагаем, что стоит разделять вектор, заданный автором «Гражданина Поэта», и его восприятие читательской аудиторией. Временная отдалённость

от событий, послуживших стимулом для создания стихотворного цикла, обратно пропорциональна уровню сатирического содержания в «Гражданине Поэте»: в 2010-2012 годах стихотворения цикла осмыслялись среднестатистическим читателем как политическая сатира, в 2013-2014 – как саркастические стихотворные пародии, в 2015-2016 – как иронические скетчи, а в некоторых случаях – с учетом нарастающей цензуры – как тексты-провокации.

ГЛАВА 3

ВОСПРИЯТИЕ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ И ОЦЕНКА ИДИОСТИЛЯ ЦИКЛА «ГРАЖДАНИН ПОЭТ»

В третьей главе нашей работы представлены результаты экспериментального исследования: описываются процедуры и результаты ассоциативного и дифференциально-семантического экспериментов. В данной главе рассматриваются различия между читательским восприятием прецедентных феноменов как отдельной идиостилевой доминанты и целостной рецепцией стихотворений цикла «Гражданин Поэт».

3. 1. Описание ассоциативного и дифференциально-семантического экспериментов

«Гражданин Поэт» представляет собой блендинговый продукт – соединение нескольких известных текстов в абсолютно новое произведение [Добросклонская, 2008]. Это означает, что прецедентные феномены цикла становятся для потенциального читателя не столько аллюзиями на предыдущий читательский опыт, сколько отражением его собственного (читательского) сознания. Поскольку в основе прецедентных феноменов лежит явление ассоциации, мы решили исследовать степень воздействия и эффективность прецедентов в «Гражданине Поэте», обратившись к лингвистическому ассоциативному эксперименту.

Ассоциативный эксперимент – метод, основывающийся на утверждении о том, что неконтролируемые ассоциации – символическая и/или прямая проекция внутреннего, часто неосознаваемого содержания сознания. Традиционно на основе ассоциативных экспериментов составляется общее представление об ассоциативных «нормах», то есть стереотипных реакциях. Результаты наиболее масштабных и релевантных ассоциативных экспериментов служат базой для создания ассоциативных

словарей (например, «Русский ассоциативный словарь» под ред. Ю. Н. Караулова [Русский ассоциативный словарь, 2002]). На данном этапе развития психолингвистики именно ассоциативный эксперимент является наиболее разработанным способом для изучения восприятия респондентов.

Процедура ассоциативного эксперимента заключается в следующем: респонденту(-ам) в качестве «стимула» предъявляется слово /набор слов/ фраза/ отрывок из текста и предлагается ответить «реакцией» – ассоциациями, приходящими в голову. Как правило, испытуемым даётся ограниченное количество времени на ответы (10-15 минут). В нашем исследовании мы решили использовать синтез свободного и цепочного вариантов ассоциативного эксперимента: респонденты не были ограничены в форме «реакций» и могли реагировать на слово-«стимул» сразу несколькими ассоциациями. Такой подход позволил наиболее полно и адекватно подойти к анализу восприятия прецедентных феноменов в «Гражданине Поэте».

Поскольку ассоциативный эксперимент дал результаты на содержательном уровне (в большей степени), мы решили провести дифференциально-семантический эксперимент и посмотреть, как читательская аудитория оценивает такой важнейший параметр идиостиля быковского «Гражданина Поэта», как его внешняя форма. В классическом виде метод семантического дифференциала заключается в оценивании определённых объектов по трём критериям: «оценка», «сила» и «активность». Мы трансформировали данные критерии в релевантные для нас «художественность», «актуальность» и «креативность» соответственно [Петренко, 1983]. Оценивание производилось по 4-уровневой шкале: от 0 до 3. Что конкретно подразумевают под собой критерии (например, что есть креативность), респондентам не сообщалось.

Сопоставление результатов двух экспериментов привело нас к выводу о том, что различия в оценках респондентов стали определяющим фактором в анализе прецедентных феноменов как идиостилевой доминанты «Гражданина Поэта».

3. 2. Ассоциативный потенциал прецедентных феноменов цикла «Гражданин Поэт»

Первой частью нашего экспериментального исследования стал ассоциативный эксперимент. Сплошная выборка позволила нам сформировать анкетный материал, содержащий список предложений-стимулов. Этим материалом стали выдержки из «Тёртой дюжины», одного из стихотворений цикла [Быков, 2012 (б), с. 39]. «Тёртая дюжина» была создана Д. Л. Быковым после обнародования в СМИ и медиапорталах (газета «Коммерсантъ», радио «Свобода», социальные сети «Twitter» и «Facebook») конфликта в административной структуре радио «Эхо Москвы». А. А. Венедиктов, главный редактор «Эха», поделился мнением о том, что вынужденный уход четырёх независимых представителей редакции из совета директоров – результат «политического давления» на его команду. Поскольку «Эхо Москвы» признано самой цитируемой радиостанцией в России, его приверженность к аналитике абсолютно разных, часто оппозиционных идей и мнений действительно могла стать предметом критики со стороны высших должностных лиц нашего государства. Прецедентом-основой для «Тёртой дюжины» послужила известная поэма А. А. Блока о революции «Двенадцать». Приведём небольшой отрывок из «Тёртой дюжины»:

Петербург. Начало века.
Ветер.
Снег.
Фонарь.
Аптека.
За окном товарищ Блок.
Он сидит и пишет в блог:
– В мире нечему меняться —
Ни начала, ни конца.
Предо мной идут двенадцать —
За плечами ружьёца.
<...>
Кто там ходит за бураном

В белом венчике из роз,
В сапогах, в бушлате рваном?
Это точно не Христос.

Опытный литературовед и журналист, Д. Л. Быков по-своему интерпретирует накалившуюся атмосферу на одной из самых открытых радиоплощадок страны. Он сопоставляет зависимость современной российской медиасферы от лиц, занимающих руководящие должности и формально являющихся единоличными владельцами теле- и радиокompаний, с аналогичной ситуацией революции 1917 года, когда от идеологии отдельных людей зависело настроение народных масс. Однако если во времена Российской империи на «старое» и «новое» мир подразделялся интуитивно (и большевики, и меньшевики не имели конкретных, детальных планов развития страны), то в современной России такое разграничение является результатом продуманных действий. «Двенадцать» у Блока – дюжина красноармейцев, отправившихся патрулировать город во время комендантского часа; «Тёртая дюжина» у Быкова – двенадцать лет правления Президента, ставших временем неоднозначных политических и законотворческих конфронтаций.

В основу нашего психолингвистического эксперимента был положен критерий известности (степени прецедентности); этот фактор осмыслялся как значимый для восприятия и понимания стихотворения «Тёртая дюжина». Фразы и предложения были расположены в той последовательности, в которой они употреблены в самом тексте произведения. Мы предложили ста двадцати участникам эксперимента ответить на вопросы анонимной анкеты. Респондентам нужно было указать свой возраст, пол, социальный статус, ответить на несколько вопросов, построенных по «лестничному принципу», например: участвуют ли они в политической жизни страны, знают ли что-либо о цикле «Гражданин Поэт», как относятся к нему и почему, а также написать любые ассоциации, возникшие при прочтении предложенных строк «Тёртой дюжины» (см. *Приложение*). Для большей точности эксперимента

количество респондентов было сбалансировано по 4 возрастным группам (в каждую входило по 30 человек в равной гендерной пропорции: 15 мужчин и 15 женщин), разделённым следующим образом: 18-25, 26-35, 36-60, 60+.

Анализ данных эксперимента позволил нам получить следующие результаты:

1) поэму, лежащую в основе «Тёртой дюжины» – «Двенадцать» – смогли идентифицировать 57 человек из 120, в основном это были респонденты от 36 до 60 лет (21 человек из данной возрастной группы): «Двенадцать»/ «12»/ «Блок, «Двенадцать»/ «Поэма “Двенадцать”». 9 респондентов назвали в качестве основы стихотворение Блока «*Ночь, улица, фонарь, аптека...*» и его вариации: «*Аптека, улица, фонарь*», «*Ночь. Уличный фонарь. Аптека*»; 8 респондентам удалось указать только автора стихотворения-оригинала: «Блок», «Александр Блок», «А. Блок». Среди единичных ответов были «Молитва», «Рекламная листовка», «Маяковский», «Владимир Маяковский» и «Лозунги»; оставшиеся в количестве 41 респондента ответили «Не знаю» или поставили прочерк;

2) строфы с использованием прецедентных имён вызвали наиболее соответствующие действительности отклики, нежели строфы, в основе которых лежат прецедентные ситуации. Примечательно, что респонденты возрастом 36-60 и 60+ чаще давали развёрнутые ассоциативные ответы, часто в виде последовательной цепочки, тогда как респонденты из групп 18-25 и 26-35 отвечали более конкретно, но не столь развёрнуто. Гендерный фактор не показал существенных различий в ассоциациях мужчин и женщин. Так, например, фраза, включающая прецедентное имя «Штаты» (*У восьмого, мать честна, / В Штатах сдохла ипотека / И стабильность унесла*) вызвала следующие группы ассоциаций: «Кризис»/ «2008-ой»/ «Дефолт»/ «Кризис из-за Америки»/ «Сокращения»/ «Увольнение по кризису»/ «Кредиты выросли»/ «Американская валюта упала, вызвала рост ипотеки» и «Американцы потянули за собой весь мир – баланс нарушился»/ «Нефть упала – начался кризис – платёжки выросли все» / «Россия как всегда – кто брал кредит, в

кабалу попал – к коллекторам» / «Сейчас происходит – ипотечное кредитование» (возрастное распределение 18-25, 26-35 и 35-60, 60+ соответственно). Сравним с ассоциативным восприятием фразы, включающей прецедентную ситуацию (*Мы на радость всем буржуйам / Шефа в попу расцелуем, / Зацелуем до крови – / Господи, благослови!*): респонденты в возрасте 18-25 и 36-60 лет ответили «Чинопочитание», «Любовь», «Подхалимаш», «Начальство с ума сошло», «Лизоблюдство», «Америкосам подражаем». Возрастные группы 26-35 и 60+ выдали примерно одинаковые ответы: «Дай дураку молиться, он и лоб расшибёт; у нас так не было», «Кто-то готов башку разбить, лишь бы подольститься; а он и рад», «Ешь ананасы и рябчиков жуй, день твой последний приходит буржуй!; даёшь (зачёркнуто)»;

3) участие/ неучастие респондентов в политической жизни, а также их знакомство с циклом «Гражданин Поэт» не влияют напрямую на ассоциативные ответы и адекватное понимание стихотворения «Тёртая дюжина». Это подтверждается большим количеством парадоксальных ассоциаций. Так, девушка 24 лет, аспирантка кафедры криминалистики и судебных экспертиз, дала следующие отклики на фразу *Третий год – парнишка тёртый: / Был «Норд-Ост», а стал отстой: «Массовый психоз – депрессия – наблюдение – суицидальные наклонности – МД-синдром»*. Респондентка утвердительно ответила на вопросы о знании «Гражданина Поэта» Д. Л. Быкова и активном участии в политической жизни (посещает выборы, участвует в агитационных кампаниях, читает материал о политике в социальных сетях). Однако ассоциации девушки носят исключительно профессиональный характер: респондентка выдала реакции, имеющие непосредственное отношение к её специализации; таким образом, прецедентное имя «Норд-Ост» стало своеобразной квинтэссенцией тех психологических и психических потрясений, которые пережили жертвы теракта на Дубровке в 2002 году.

Ассоциативный эксперимент показал: фактор «прецедентность» является условным и не определяет узнавание прецедентного феномена в отдельном (изолированном от контекста) виде.

3. 3. Идиостиль цикла Д. Л. Быкова «Гражданина Поэт»: оценка «читателя»

Вторая часть нашего исследования была посвящена дифференциально-семантическому эксперименту. Очевидно, что каждый респондент фиксировал в анкетах свой личный опыт, однако большое количество испытуемых (120 человек) позволило получить «среднюю», общественно-закреплённую оценку идиостиля Д. Л. Быкова.

Ниже поясним, что в действительности обозначают критерии, заданные шкалой оценивания [Философия: энциклопедический словарь, 2004].

1. Художественность – категория, определяющая качество произведения и его принадлежность к области искусства. Поскольку степень художественности «Гражданина Поэта» должна характеризовать стихотворный цикл с точки зрения завершённости и воплощённости художественного замысла, мы соотнесли её с таким критерием, как оценка.

2. Актуальность – важность, значительность для данного момента времени; коррелирует с таким критерием, как сила.

3. Креативность – способность создать/осуществить нечто новое (решение, метод, инструмент) в искусстве; соотносится с таким критерием, как активность.

Уточним, что в нашем эксперименте все критерии условны и имеют перманентный характер.

Дифференциально-семантический эксперимент дал следующие результаты.

Абсолютное большинство респондентов (83 человека) признало высокую художественность текста, оценив её в 2 и 3 балла. Интересно, что 1

балл за данный критерий отдало лишь 5 человек, а оставшиеся 32 респондента сочли «Тёртую дюжину» стихотворением, не представляющим художественной ценности.

Критерий «актуальность» разделил отвечавших на две практически равные группы: 49 респондентов сочли стихотворение злободневным (2 балла), а 54 человека – незначительным для настоящего времени (0-1 балл). 17 участников эксперимента оценили актуальность «Тёртой дюжины» в 3 балла.

Примечательно, что уровень креативности стихотворения практически все респонденты признали высоким и очень высоким (3 балла – 61 человек, 2 балла – 40 человек); ответов «0» не было зафиксировано.

Анализируя результаты дифференциально-семантического эксперимента, мы обнаружили несколько особенностей:

а) ответы респондентов распределились в равных возрастных пропорциях, следовательно, возраст участников не коррелирует с характером оценивания;

б) напротив, гендерный фактор прямо соотносится с итогами исследования. Женщины чаще оценивали стихотворение «Тёртая дюжина» более категорично: либо «0», либо 3 балла. Мужчины же оказались более лояльными в своих оценках: в большинстве случаев критерии оценивались на уровне 1-2 баллов.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ

Итоги экспериментального исследования являются промежуточными в анализе идиостиля цикла Д. Л. Быкова «Гражданина Поэта», однако мы считаем возможным обозначить следующие выводы.

1. Читательская аудитория в большей степени склонна адекватно отзываться на прецедентное имя, поскольку именно этот тип прецедентных феноменов концентрирует в себе целостную картину происходящего и

позволяет сворачивать большое количество информации до лаконичных размеров.

2. Прецедентные феномены имеют экстралингвистическую мотивированность и могут обладать автопрецедентностью. Это факт позволяет говорить о том, что интеллектуальный вызов, брошенный Д. Л. Быковым, читатель может не принять не только по причине низкого интеллектуального потенциала или отсутствия схожего опыта, но и вследствие разницы в гендере, возрасте, профессиональной специализации.

3. Парадоксальное различие в читательском восприятии содержания и формы стихотворения «Тёртая дюжина» указывает на коммуникативный успех цикла «Гражданин Поэт»: либо как оппозиционной акции, носящей одномоментный характер, либо как пародийного художественного произведения, представляющего повседневный интерес.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современная культура может быть охарактеризована двумя парадоксальными тенденциями: стремлением к максимально выраженной свободе и индивидуальности и одновременным активным использованием уже зарекомендовавших себя способов выражения мысли. Одним из таких способов является обращение к прецедентным феноменам.

Анализ прецедентных феноменов как идиостилевой доминанты Д. Л. Быкова подтвердил: социальное настроение способствует нестандартному употреблению прецедентных феноменов в медиа- и киберпространствах, их актуализации в акциях, проектах и перформансах, а в дальнейшем – закреплению в сознании потенциальной аудитории в виде статичных продуктов культуры.

Результаты проведённого исследования позволяют прийти к следующим выводам.

1. Особенности языковой личности отчётливо проявляются при использовании прецедентных феноменов. Д. Л. Быков предстаёт перед читателем сформированной личностью: создатель «Гражданина Поэта» имеет высшее журналистское образование и огромный опыт работы в преподавательской и публицистической сферах. Это даёт основание говорить об аргументированном выборе прецедентных феноменов для стихотворного цикла. Прецедентные феномены же, ставшие основным компонентом идиостиля Д. Л. Быкова, обозначились как метакультурные индикаторы: то, каким образом читатели воспринимают прецедентные феномены «Гражданина Поэта» в изолированном виде, влияет и на целостное понимание стихотворного цикла.

2. Интересным представляется механизм использования прецедентных феноменов в «Гражданине Поэте». Во-первых, прецедентные феномены стали основой каждого стихотворения цикла, но лишь в формальном отношении. Базой-стимулом для написания всех частей «Гражданина Поэта»

послужили реальные события, обладающие, по мнению Д. Л. Быкова, определённой степенью актуальности. Во-вторых, прецедентные феномены, выбранные для стихотворений, не всегда имеют категорическую типологическую соотнесенность: так, например, прецедентное видоизменённое имя-заглавие «Селигерище» [Быков, 2012 (а), с. 53-57] может выступать одновременно и прецедентной ситуацией, и прецедентным текстом (отсылкой к «Крокодилу» К. И. Чуковского), и прецедентным высказыванием. Подобная переходность явлений способствует расширению читательской аудитории, поскольку потенциал читателя зависит от большого количества факторов (возраста, национальности, гендера, религиозных предпочтений и др.).

3. Прецедентные феномены в «Гражданине Поэте» являются своего рода «раздражителями»: они привлекают внимание читателя, заставляя последнего искать нарочитые несоответствия в текстах цикла. Эвфемизация прецедентных феноменов в «Гражданине Поэте» служит для решения генеральной задачи Д. Л. Быкова – ухода от цензуры и формально запрещённых тем. Именно поэтому в исследуемом стихотворном цикле базовой функцией прецедентных феноменов является эвфемистическая; остальные функции (людическая, парольная, прагматическая, эстетическая) имеют прикладной характер.

4. Восприятие читательской аудиторией идиостиля Д. Л. Быкова существенно отличается от рецепции отдельных прецедентных феноменов цикла. Такое различие объясняется: а) дифференциацией ассоциативно-интеллектуального потенциала автора «Гражданина Поэта» и читателя; б) трансформацией стихотворного цикла из кратковременной социальной акции в исключительно литературное произведение (произведение стихотворной публицистики). Кроме того, подобные несовпадения доказывают, что прецедентные феномены обладают индивидуальной иерархической структурой и, как правило, не могут адекватно рассматриваться в изолированном виде.

Поскольку нетипичные проявления прецедентных феноменов как идиостиловых элементов в «Гражданине Поэте» были выявлены и проанализированы, нам представляется, что поставленная в работе цель достигнута.

Полученные результаты исследования позволяют расширить материал для дальнейшего анализа прецедентных феноменов в области психо- и нейролингвистики, стилистики и литературоведения, лингвопоэтики и журналистики, PR и кросс-культурных коммуникаций, что обуславливает теоретическую значимость работы.

Практические результаты нашей работы применимы для анализов метакультурных произведений; оптимизации методических механизмов преподавательской деятельности (например, подготовки индивидуальной базы «аргументов» для написания сочинений в ОГЭ и ЕГЭ); создания алгоритмов грамотного маркетинга и PR.

Полагаем, что перспективу исследования могут составить: анализ семантических групп прецедентных феноменов в «Гражданине Поэте» (например, имён); углублённое исследование прецедентных феноменов с точки зрения грамматики и орфоэпии (например, соотнесение прецедента-оригинала и трансформированного прецедента: «Незнакомка» у А. А. Блока и «Шизорванка» у Д. Л. Быкова); сравнение восприятия прецедентных феноменов читателями, познакомившимися с видеOVERсией «Гражданина Поэта», и читателями, не смотревшими её.

Стихотворный цикл «Гражданин Поэт» Д. Л. Быкова, как нам видится, парадоксален и амбивалентен, а потому представляет собой широкое поле для дальнейших исследований в области соотношения идиостиля и явления прецедентности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Список источников

1. *Быков, Д. Л.* Гражданин Поэт. 31 номер художественной самодеятельности / Д. Л. Быков. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012 (а). – 144 с.
2. *Быков, Д. Л.* Гражданин Поэт. Наши – всё / Д. Л. Быков. – М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2012 (б). – 50 с.
3. *Быков, Д. Л.* Проект «Гражданин Поэт» / Д. Л. Быков. – 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.f5.ru.html> (Дата обращения: 01.07.2012).

Список научной литературы

1. *Аврасин, В. Н.* Речевое воздействие: психологические и психолингвистические проблемы / В. Н. Аврасин. – М.: Флинта, 1986. – 213 с.
2. *Арутюнова, Н. Д.* Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1999. – 249 с.
3. *Борев, Ю. Б.* Комическое, или О том, как смех казнит несовершенство мира, очищает и обновляет человека и утверждает радость бытия / Ю. Б. Борев. – М.: Искусство, 1970. – 173 с.
4. *Богин, Г. И.* Современная лингводидактика / Г. И. Богин. – Калинин: Калинин. гос. ун-т, 1980. – 61 с.
5. *Боярских, О. С.* Трансформация литературно-прецедентных феноменов в дискурсе российских печатных СМИ / О. С. Боярских // Проблемы культуры речи в современном коммуникативном пространстве: материалы межвузовской научной конференции. – Нижний Тагил, 2006. – 341 с.

6. *Брилева, И. С.* Теоретические положения. Принципы описания / И. С. Брилева, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных // Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь: Вып. первый. – М.: «Гнозис», 2004. – С. 7-57.
7. *Валгина, Н. С.* Теория текста / Н. С. Валгина. – М.: Логос, 2003. – 280 с.
8. *Ван Дейк, Т. А.* Язык, познание, коммуникация / Т. А. Ван Дейк. – Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 308 с.
9. *Верещагин, Е. М.* Лингвострановедческая теория слова / Е. М. Верещагин. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.
10. *Виноградов, В. В.* О языке художественной прозы / В. В. Виноградов. – М.: Гос. Издательство, 1930. – 175 с.
11. *Виноградов, В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 398 с.
12. *Выготский, Л. С.* Психология искусства / Л. С. Выготский. – М.: Флинта, 1965. – 344 с.
13. *Гальперин, И. Р.* Текст как объект лингвистических исследований / И. Р. Гальперин. – М.: Наука, 1981. – 380 с.
14. *Григорьев, В. П.* Грамматика идиостиля / В. П. Григорьев. – М.: Наука, 1983. – 180 с.
15. *Григорьев, В. П.* К поэтике и эстетике авангарда / В. П. Григорьев // Будетлянин. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 700-740.
16. *Гройс, Б. Е.* Стратегия инновации / Б. Е. Гройс // Утопия и обмен. – М., 1993. – 316 с.
17. *Гудков, Д. Б.* Прецедентные феномены в языковом сознании и межкультурной коммуникации: автореферат дисс. ... д-ра филол. н. / Д. Б. Гудков. – М.: Диалог – МГУ, 1999. – 44 с.
18. *Добросклонская, Т. Г.* Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ / Т. Г. Добросклонская. – М.: АСТ-Пресс, 2008. – 203 с.
19. *Евтюгина, А. А.* Политический дискурс в России / А. А. Евтюгина. – М.: ЛКИ, 2000. – 400 с.

20. *Ерофеев, А. В.* Об актуальном российском искусстве / А. В. Ерофеев // Чтения по современному искусству: история, тенденции, перспективы развития. – Нижний Тагил, 1999. – 205 с.
21. *Жолковский, А. К.* Блуждающие сны: из истории русского модернизма / А. К. Жолковский. – М.: Азбуковник, 1992. – 312 с.
22. *Захаренко, И. В., Красных В. В., Гудков Д. Б., Багаева Д. В.* Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / Язык, сознание, коммуникация: сб. ст. // Под ред. В. В. Красных, А. И. Изотова. – М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82–102.
23. *Земская, Е. А.* Цитация и виды её трансформации в заголовках современных газет / Е. А. Земская. – М.: Азбуковник, 1996. – 149 с.
24. *Зимняя, И. А.* Лингвopsихология речевой деятельности / И. А. Зимняя. – М.: МОДЭК, 2001. – 432 с.
25. *Золян, С. Т.* К проблеме описания поэтического идиолекта / С.Т. Золян. – М.: Флинта, 1986. – 156 с.
26. *Золян, С. Т.* От описания идиолекта – к грамматике идиостиля / С. Т. Золян // Язык русской поэзии XX в.: сб. научных трудов. – М.: Наука, 1989. – 91 с.
27. *Караулов, Ю. Н.* Лингвокультурное сознание русской языковой личности: моделирование сознания и функционирования / Ю. Н. Караулов, Ю. Н. Филиппович. – М.: Азбуковник, 2009. – 354 с.
28. *Караулов, Ю. Н.* Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: ЛКИ, 2010. – 264 с.
29. *Ковшова, М. Л.* Семантика и прагматика эвфемизмов / М. Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
30. *Корнилов, О. А.* Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
31. *Костомаров, В. Г.* Русский язык в современном диалоге культур / В. Г. Костомаров // Русский язык за рубежом. – М.: Наука, 1999. – 141 с.

32. *Красных, В. В.* «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. – М.: ИТГДК Гнозис, 2003. – 375 с.
33. *Красных, В. В.* Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
34. *Кузьмина, Н. А.* Интертекст и его роль в процессах эволюции поэтического языка / Н. А. Кузьмина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 268 с.
35. *Кузьмина, Н. А.* Интертекст: тема с вариациями. Феномены языка и культуры в интертекстуальной интерпретации / Н. А. Кузьмина. – Омск: Издательство Омского государственного университета, 2009. – 228 с.
36. *Кушнерук, С. Л.* Имена, открывающие кошельки: мир кино в российской и американской рекламе / С. Л. Кушнерук. – М.: Флинта, 2007. – 182 с.
37. *Лотман, Ю. М.* Семиосфера / Ю. М. Лотман. – С.-Петербург: Искусство-СПБ, 2000. – 704 с.
38. *Маслова, В. А.* Лингвокультурология / В. А. Маслова. – М.: Академия, 2001. – 183 с.
39. *Милль, Дж.* Система логики символической и индуктивной / Дж. Милль. – М.: Наука, 1914. – 274 с.
40. *Нахимова, Е. А.* Прецедентные имена в президентском дискурсе / Е. А. Нахимова. // Политическая лингвистика. – М.: Наука, 2007 (а). – 84 с.
41. *Нахимова, Е. А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. – Екатеринбург: УрГПУ, 2007 (б). – 207 с.
42. *Ольшанский, Д. В.* «Политический PR» / Д. В. Ольшанский. – СПб.: Питер, 2003. – 544 с.
43. *Петренко, В. Ф.* Психосемантика сознания / В. Ф. Петренко. – М., 1983. – 254 с.
44. *Питерс, Т., Уотермен, Р.* В поисках эффективного управления / Т. Питерс. – М.: Прогресс, 1986. – 305 с.
45. *Почепцов, Г. Г.* Теория коммуникации / Г. Г. Почепцов. – М.: Рефл-бук, 2011. – 656 с.

46. Привалова, В. И. Язык, сознание, коммуникации: сб. статей / В. И. Привалова // Национально-культурная специфика ценностных доминант рекламного дискурса. – М.: МАКС Пресс, 2003. – № 25. – С. 97-102.
47. Райс, Э. Расцвет пиара и упадок рекламы: как лучше всего представить фирму / Э. Райс. – М.: Издательство АСТ, 2004. – 212 с.
48. Саксонова, Ю. Ю. Прецедентный интертекст / Ю. Ю. Саксонова. – Екатеринбург, 2001. – 362 с.
49. Семенец, О. П. Прецедентный текст в газетном заголовке и современная текстовая картина мира / О. П. Семенец. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 117 с.
50. Сеничкина Е. П. Эвфемизмы русского языка / Е. П. Сеничкина. – М.: Флинта, 2012. – 120 с.
51. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 141 с.
52. Смулаковская, Р. Л. Своеобразие использования прецедентных феноменов в газетном дискурсе / Р. Л. Смулаковская // Лингвистика: бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2004. – Т. 12. – 137 с.
53. Солопова, О. А. Этногерменевтика и антропология / О. А. Солопова. – Кемерово, 2004. – 126 с.
54. Сорокин, Ю. А. Семантика целого текста: тезисы выступления на совещании / Ю. А. Сорокин. – М.: АСТ-Пресс, 1987. – 157 с.
55. Супрун, А. Е. Текстовые реминисценции как языковое явление / А. Е. Супрун // Вопросы языкознания. – М.: Флинта, 2001. – 119 с.
56. Фатеева, Н. А. Интертекст в мире текстов: контрапункт интертекстуальности / Н. А. Фатеева. – М.: АСТ-Пресс, 2007. – 282 с.
57. Хазагеров, Т. Г. Общая риторика / Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина. – Ростов-на-Дону, 1999. – 226 с.

58. Чудинов, А. П. Дискурсивные характеристики политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2012. – 196 с.
59. Юханов, Н. С. PR-технологии и политическое консультирование в российской политике: Учеб. пособие / Н. С. Юханов. – М.: РУДН, 2008. – 175 с.
60. Якобсон, Р. О. Избранные труды / Р. О. Якобсон. – М.: Просвещение, 1985. – 413 с.
61. Ямпольский, М. Б. Память Тиресия. Интертекстуальность и кинематограф / М. Б. Ямпольский. – М.: РИК «Культура», 1983. – 464 с.
62. Christie, F. Pedagogy and the Shaping of Consciousness: Linguistic and Social Processes / F. Christie. – Cambridge, 2008. – Pp: 296.
63. Dasenssen, P. R. Are cognitive processes universal? A contribution to Piagetian psychology. V. 1. / P. R. Dasenssen. – London - N.Y. - San-Fr., 1977. – Pp: 212.
64. Graham, A. Intertextuality / A. Graham. – London: Routledge, 2002. – Pp: 238.
65. Greenbaum, W. Human development and socialization in cross-cultural perspective: Issues arising from research in Israel / W. Greenbaum. – London - N.Y. - Toronto - Sydney - San-Fr., 1980. – Pp: 355.
66. Gregory, M., Carroll S. Language and situation. Languages and their social context / M. Gregory, S. Carroll. – London, 1978. – Pp: 310.
67. Murray, K. Introducing Metaphor / K. Murray. – London, New-York, NY: Routledge, 2005. – Pp: 149.
68. Ritchie, G. The Linguistic Analysis of Jokes / G. Ritchie. – London: Routledge, 2004. – Pp: 278.

Список словарей

1. Русский ассоциативный словарь в 6 т. – Т. 1. / Под ред. Ю. Н. Караулова, Г. А. Черкасова. – М.: АСТ-Астрель, 2002. - 784 с.
2. Словарь литературоведческих терминов / Под ред. И. А. Книгина. – Саратов: Лицей, 2006. – 272 с.
3. Философия: энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 420 с.

Образец анкеты

Пожалуйста, примите участие в эксперименте!

Вся информация, которую Вы укажете в опросных листах, анонимна.

Пол: мужской ☒ женский ☐

Возраст: 43

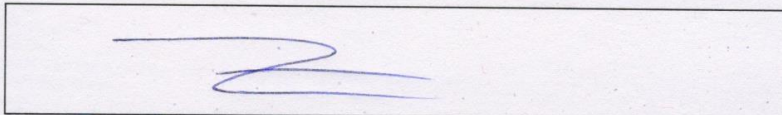
Социальный статус (возможно несколько вариантов ответа):

студент ☐

работающий ☒

пенсионер ☐

другое

Принимаете ли Вы участие в политической жизни?

Да ☒

Нет ☐

Если Вы ответили «Нет» на предыдущий вопрос, пожалуйста, пропустите следующий пункт.

Каким образом вы участвуете в политической жизни (возможно несколько вариантов ответа)?

Посещаю выборы ☒

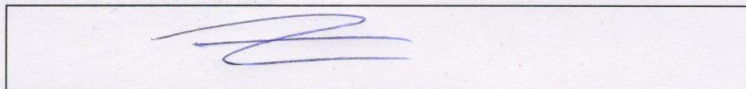
Состою в политической партии ☐

Смотрю по ТВ передачи, связанные с политикой ☐

Читаю материал о политике в газетах и журналах ☐

Узнаю о политической ситуации из интернета ☒

Другое

Известен ли вам проект «Гражданин Поэт» Д. Л. Быкова?

Да ☒

Нет ☐

Если Вы ответили «Нет» на предыдущий вопрос, пожалуйста, пропустите следующий пункт.

Как Вы относитесь к проекту «Гражданин Поэт» (пожалуйста, поделитесь своим мнением в любом формате)

Сереженная иштучка, хорошее чувство юмора

Пожалуйста, напишите любые ассоциации, возникающие у Вас при прочтении данных строк:

Петербург. Начало века.
Ветер.
Снег.
Фонарь.
Аптека.

Блок

За окном товарищ Блок.
Он сидит и пишет в блог.

мтж / фрейбук

Трах-тах-тах! И только «Эхо»
Будит изредка страну.

непримечное

Вот идут они, двенадцать,
Гордо выпятивши грудь.

про время? кордосъ

Третий год – парнишка тертый:
Был «Норд-Ост», а стал отстой.

французские из Дубовке, чертенок

У восьмого, мать честна,
В Штатах сдохла ипотека
И стабильность унесла.

кредиты, надежные доллары
кредиты валюты чикки

На девятый и десятый,
Ставши временным главой,
Править стал какой-то мятый,
Неактивный, неживой.

мечтосъ? Усталость смерть

Мы на радость всем буржуйам
Шефа в попу расцелуем,
Зацелуем до крови —
Господи, благослови!

проши, мизиня карьериссёв

Прочтите стихотворение полностью (раздаточный материал). Какое произведение, на Ваш взгляд, стало основой для данного стихотворения?

Блок „Ночь“. Ушера. Романс. Антенна?

Пожалуйста, оцените стихотворение по 3 критериям: художественность, актуальность, креативность. Выбранный уровень оценки (0, 1, 2, 3) обозначьте «кружком».

Критерий	Уровень			
Художественность	0	1	2	3
Актуальность	0	1	2	3
Креативность	0	1	2	3

Благодарим за участие в эксперименте!